

НОВАЯ ПОЛЬША 4/2005

Содержание

1. "НЕ БОЙТЕСЬ!"
2. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
3. О КАТЫНИ - ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД И СЕГОДНЯ
4. ЭТОТ ДЕНЬ
5. ЛЕБЕДЬ
6. ВЕТКА
7. МАСТЕР РАССКАЗА
8. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
9. ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ
10. ДЕСЯТЬ ВОПРОСОВ

"НЕ БОЙТЕСЬ!"

"Мы теперь не сироты – у нас есть Папа!" – так воскликнул по телефону Владимир Максимов, сообщив мне поразительную новость: Папой Римским только что избран краковский митрополит кардинал Кароль Войтыла. Владимир Емельянович был человеком глубоко, можно сказать истово, православным, а вот ведь сказал такое – и как всегда оказался прав.

Посчитайте сами. В следующем, 1979 году – в октябре, в первую годовщину своего избрания на папский престол, – Иоанн Павел II совершил первое паломничество в Польшу, собирая на свои богослужения и проповеди миллионные толпы – которые, слушая его, вдруг ощутили, что они не толпа, не толкучка броуновских атомов, но и не "стройные шеренги" тех же атомов, выведенных на принудительно-праздничную демонстрацию. Посмотрели друг на друга и сами на себя, собрались с силами... И вот прошел еще неполный год – и поляки преподнесли всему миру сюрприз: на территории одной зоны коммунистического лагеря развернулись, а затем и победили рабочие забастовки и был создан независимый профсоюз "Солидарность". Помню, как радовались у нас в Париже антисоветски настроенные левые: против (извращенного, по их мнению) коммунизма борется пролетариат, рабочий класс. Так им хотелось верить в осуществление законов марксизма-ленинизма, что они совершенно забывали – или скорее закрывали глаза на то, что забастовки сопровождались молебнами и литургией, а на Гданьской судовой верфи висел портрет Папы...

Наследники Сталина быстро поняли, как опасны им и Папа с опытом жизни (своей и Церкви) под коммунистическим режимом, и "Солидарность", ставшая неожиданным ответом на знаменитый презрительный сталинский вопрос: "А сколько дивизий у Римского Папы?.." В мае 1981 года "младшие братья" – болгарские чекисты (доказательство обнаружилось в архивах Штази) организовали покушение на Иоанна Павла II, а в декабре военное положение поставило "Солидарность" вне закона.

И все-таки, как в то время только чаялось, а потом стало достоверным и очевидным, эти годы – самые последние 70-е, самые первые 80-е – стали началом конца коммунизма. Невозможно не оценить вклад в его крах Иоанна Павла II, хоть

Папа никогда не выступал как политический лидер, не выдвигал политических программ и не давал своего благословения политическим движениям. Зато, думаю, его благословение было дано всем (не только католикам и даже не только христианам), кто защищал от безбожной власти свободу (данную человеку от Бога), совесть (тоже Богом в нас вложенную), право на личную ответственность, на личное участие в истории (то, что в Польше во времена "Солидарности" окрестили словом "субъектность"). Ибо это не политическая деятельность, а нравственная.

На страницах "Новой Польши" не раз писалось об отношении Иоанна Павла II к православию, но сейчас, провожая его в последний путь, нельзя не повторить основное хотя бы бегло. Благодаря Папе вновь обрели жизнь забытые слова Вячеслава Иванова о Восточной и Западной Церквях: "два легких христианства". Еще Папа говорил о православии и католичестве как о двух легких Европы. Он же сказал: "Церкви-сестры". Не без поддержки Папы жили такие начинания, как издательство "Жизнь с Богом", выпускавшее для православных в России богослужебную и богословскую литературу. Или благотворительная организация "Помощь Церкви в беде", тоже снабжавшая литературой и материальными средствами верующих в СССР, и не только католиков (в 90-е гг. она прямо помогала православным приходам и епархиям Московской Патриархии).

Иоанн Павел II высоко ценил русское православное богословие и религиозную философию, часто ссылаясь на Владимира Соловьева, о. Павла Флоренского, Павла Евдокимова и многих других. Его письмо деятелям культуры (которое мне довелось переводить на русский язык, как и написанное в ответ на него эссе Чеслава Милоша) было построено на словах Достоевского "Красота спасет мир".

При Иоанне Павле II те пресловутые перегородки между православием и католичеством, которые, по слову одного православного иерарха XIX века, не доходят до неба, стали, казалось, еще ниже, еще проглядней – поверх них как будто уже можно стало подать друг другу руки. Еще не причащаться вместе, еще не находить решение несколькими неразрешимым (но, на мой взгляд, не слишком важным) спорам – но подать друг другу руки. Это было особенно легко в те времена, когда равно преследовали всех верующих. Потом, увы, это оказалось труднее.

С горечью приходится признать, что глубокое уважение Папы к русскому православию осталось практически безответным. Ему

так и не удалось осуществить свою мечту – по-братски встретиться с Патриархом Московским и всея Руси (хотя он встречался со многими главами поместных Православных Церквей, в том числе и в ряде посткоммунистических стран, а опыт общения Папы Римского и Патриарха Вселенского и Константинопольского начался еще во времена Павла VI и Афинагора и продолжался при Иоанне Павле II и Варфоломее). Более того, препятствия деятельности католической Церкви в России, которые чинили власти в последние годы, явно вдохновлялись православной иерархией.

Развитие католической Церкви в России – дело нормальное. Евангельскую Благую Весть она несет не православным, а неверующим, и если донесет тем, кого православные не сумели затронуть, – нам, казалось бы, только радоваться: вот еще одним верующим стало больше, еще одна душа вырвана из безбожной магмы. Нет, не радуются, говорят о "прозелитизме", о "канонической территории".

Иоанна Павла II в западной прессе часто обвиняют в консерватизме, ретроградстве. Консерватизм – возможно, не буду спорить, ибо Церковь должна обладать здоровым консерватизмом, "не угашать духа", а этого угашения так хотелось бы заполняющим западные СМИ "прогрессистам", обычно попросту атеистам, агностикам или, что еще хуже, маловерам. Но никак не ретроградство. И как раз один из примеров этого – неслыханная открытость Папы к православию. "Да будут все едино" – так называется одна из его энциклик, но это и постоянный его призыв и напоминание. И разве не об этом молимся и мы, когда на ектении просим Господа о соединении Церквей?

Под конец мне хочется вспомнить еще одну его любимую цитату из Евангелия: "Не бойтесь". Слова "не бойся", "не бойтесь" очень часты в Евангелиях, но до нашего Папы их как будто никто особо не выделял. Думаю, это и есть тот завет, который он нам всем оставил, независимо от нашей религиозной принадлежности.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• "65 лет тому назад, 5 марта 1940 г., нарком внутренних дел Лаврентий Берия предложил членам большевистского политбюро „разгрузить лагеря польских военнопленных" – так это было названо официально. Первым под запиской Берии подписался Сталин – размашисто, старательно выводя буквы. Далее идут подписи Ворошилова, Молотова и Микояна. Они прекрасно знали, что подписывают смертный приговор. Менее чем через месяц из лагерей, куда поместили поляков после сентябрьского поражения, двинулись эшелоны к местам казни. Из Козельска в Катынь вывезли 4421 офицера Войска Польского, из Старобельска в Харьков – 3820, а из Осташкова в Тверь – 6311 полицейских, тюремных надзирателей, чиновников и осадников (военных колонистов). Им связывали руки, их кололи штыками и убивали выстрелами в затылок. Трупы бросали в ямы и закапывали (расстрелянных в Твери – в Медном). По приговору от 5 марта – о чем часто забывают – были расстреляны также 7305 поляков, находившихся в тюрьмах. В общей сложности погибли 21 827 наших соотечественников". (Мацей Росоляк, "Жечпосполита", 5–6 марта)

• "В минувшую среду первый секретарь посольства России в Варшаве устно проинформировал министерство юстиции [Польши], что польская сторона сможет получить для ознакомления только 67 из ста с лишним томов документов, собранных во время следствия по делу о катынском преступлении. Вдобавок нельзя будет сделать их заверенных копий. Полная документация не будет предоставлена из-за того, что часть ее засекречена". ("Жечпосполита", 5–6 марта)

• "Катынский расстрел не был актом геноцида против польского народа. Следствие прекращено, поскольку нет оснований менять юридическую квалификацию преступления, чего требовала польская сторона. Таково решение российской военной прокуратуры (...) Историки напоминают, что катынское преступление было признано актом геноцида еще на Нюрнбергском процессе, хотя тогда СССР приписывал вину немцам (...) Россияне давно не хотели признавать, что в Катыни был совершен акт геноцида, не подлежащий списанию за

истечением срока давности (...) Шокируют цифры, приведенные главным военным прокурором России генералом Александром Савенковым. По его словам, российским следствием установлено, что на территории России были интернированы 14 542 поляка, имеются доказательства гибели 1803 человек, а тела 22 человек удалось идентифицировать". (Славомир Поповский, Павел Решка, "Жечпосполита", 12-13 марта)

- "В истории польско-российских отношений нет вопроса более болезненного, чем Катынь. Истребление сотрудниками НКВД 22 тысяч польских военнопленных было преступлением исключительным даже на фоне страшной истории II Мировой войны (...) Были расстреляны люди, составлявшие костяк польского государства: офицеры и чиновники, адвокаты и врачи, учителя и поэты. Это была хладнокровная попытка уничтожить элиту общества, чтобы потом его было легче подчинить (...) Тянувшееся 15 лет следствие было прекращено, а польской стороне отказали в доступе к важнейшей части собранной документации. Россия вновь пытается замести следы преступления". (Ян Скужинский, "Жечпосполита", 12-13 марта)

- После заявления МИДа России, сделанного в 60-ю годовщину Ялтинской конференции, согласно которому Польша "грешит", сетуя на Ялту, Дмитрий Бабич сказал: "Я с некоторым удивлением замечаю, что в последнее время российские дипломаты явно считают своей обязанностью защищать политику Советского Союза. Они занимаются этим со все большим рвением". ("Газета wyborcza", 14 февр.)

- Профессор Владимир Волков: "Известно, что Польше Ялта принесла политическую зависимость. Но одно дело историки, а другое – политики. Время официальных российских заявлений по этому поводу еще не пришло". ("Газета wyborcza", 16 февр.)

- Профессор Павел Вечоркевич из Института истории Варшавского университета: "Коммюнике российского МИДа насквозь лживо. Это заявление в сталинском духе. Под ним мог бы смело подписаться Молотов. Для Центральной и Восточной Европы ялтинский порядок означал почти 50 лет порабощения, лишения суверенитета и независимости. [Центральноевропейские государства] были сведены к роли объектов [политики], вассалов Москвы". ("Жечпосполита", 17 февр.)

- Министр иностранных дел Адам Ротфельд: "Автор комментария российского МИДа пытается реабилитировать

Сталина и трактует постановления Ялтинской конференции буквально, хотя Россия никогда их не соблюдала". Министр добавил, что это документ маргинального ранга и не заслуживает официальной реакции с польской стороны. ("Жечпосполита", 18 февр.)

- Премьер-министр Марек Белька: "В сознании поляков Ялта вызывает целый ряд ассоциаций с другими фактами: с пактом Риббентропа-Молотова, с позорным обвинением генерала Сикорского в сговоре с Гитлером, когда польское правительство обратилось в Международный Красный Крест с просьбой расследовать обстоятельства катынского преступления, с презрительным высказыванием Молотова в октябре 1939 г. о том, что Польша, ставшая жертвой двойной агрессии и предательства, - это „уродливое детище Версальского договора". Она ассоциируется также с арестом (март 1945) и процессом 16-ти [лидеров польского подпольного государства и Армии Крайовой, предательски арестованных НКВД и вывезенных в Москву]. Память об этих фактах - часть нашего самосознания, и забывать о них нам никак нельзя. Поэтому для Польши, прибалтийских государств, Чехии и других стран Восточной Европы слово „Ялта" символизирует раздел Европы и порабощение, а не мирный международный порядок". ("Газета wyborча", 23 февр.)

- "К трем годам лишения свободы приговорил районный суд Бохни бывшего сотрудника повятового Управления безопасности Станислава Д. за коммунистические преступления. Прокурор Института национальной памяти (ИНП) представил доказательства того, что в 1950 г. 78-летний ныне Станислав Д. подвергал физическим и психическим пыткам арестованных бывших бойцов Армии Крайовой". ("Жечпосполита", 17 февр.)

- Комиссия Сейма по иностранным делам с возмущением восприняла позицию отдела информации и печати МИД России по решениям Ялтинской конференции, заявив в частности: "Утверждать, что благодаря решениям Ялтинской конференции и их дальнейшему осуществлению могла возникнуть свободная, независимая и демократическая Польша, - значит фальсифицировать историю". ("Газета wyborча", 11 марта)

- "В этом году нам предстоит пережить 25-летие польского Августа и возникновения „Солидарности". Это событие стало ответом малых и забытых на Ялту - ответом вопреки логике тогдашнего мира и советской мощи". (Бартломей Сенкевич, "Жечпосполита", 24 февр.)

- Президент США Джордж Буш в Брюсселе: "Так называемая ялтинская стабильность была постоянным источником несправедливости и страха. Европа убедилась, что демократические движения, такие, как „Солидарность", могут сорвать опущенный тиранами железный занавес". ("Жечпосполита", 22 февр.)

- "Перед 9 мая 2005 года мы, вероятно, еще не раз услышим из Кремля, что Ялта была для поляков благом, что Сталин был освободителем Польши, что в общей сложности поляки причинили русским больше зла, чем наоборот, а Катынь – это мелочь. Все это стоит запоминать, ибо такая стратегия, прямо обращающаяся к советской историографии, немало говорит о том, что делается сегодня в Кремле и к чему склоняется российская система власти. Продолжающаяся уже несколько месяцев „историческая кампания", призванная досадить полякам и унижить их, преследует конкретную цель как во внутренней политике (попытка создать ново-старое самосознание, основанное на национальных мифах и лживом образе прошлого), так и во внешней (по меньшей мере с момента активного участия Польши в „оранжевой революции" Кремль делает многое, чтобы создавать ситуации, в которых поляки будут выглядеть в глазах Запада патологическими русофобами)". (Войцех Пентяк, "Тыгодник повсехный", 27 февр.)

- "Александр Квасневский призвал президента России Владимира Путина воспользоваться празднованием 60-летия окончания II Мировой войны для „справедливой моральной оценки" послевоенных событий (...) „После победы над фашизмом Советский Союз, с одной стороны, а США и Великобритания – с другой разделили сферы влияния. В результате некоторые страны подверглись оккупации, хотя и не прямой. Все это должно быть сказано. Этого мы ожидаем от российской стороны", – подчеркнул польский президент". ("Жечпосполита", 28 февр.)

- "Ехать ли в Москву 9 мая? (...) Польша находится в особой ситуации, так как в войне победил сталинский Советский Союз. Тот самый, что в 1939 г. вместе с гитлеровской Германией напал на нашу страну. Войну с фашизмом СССР начал только в 1941 г. после нападения Гитлера. Потом в Ялте великие державы решили, что сильно урезанная на востоке Польша будет находиться в советской сфере влияния. После войны власть захватили коммунисты – помазанники Сталина, а тысячи поляков были расстреляны или вывезены в Сибирь". ("Газета wyborча", 15 февр.)

- Автор книги "ГУЛАГ" Энн Эпплбаум: "Мы забыли, что в то самое время, когда гитлеровские лагеря освобождались, множились лагеря нашего союзника Сталина. Никто не хочет признать, что мы победили одного массового убийцу благодаря помощи другого". ("Газета польска", 2 марта)

- Энн Эпплбаум: "Среди примерно 25 миллионов зэков поляки составляли огромную группу. В 1937 г. тогдашний нарком внутренних дел Ежов подписал печально известный приказ №00485, в котором по сути дела велел репрессировать всех граждан СССР, имевших польскую фамилию. На протяжении двух лет в причастности к „польской сети“ были обвинены 140 тыс. человек. Многие из них были расстреляны, многих пытали и отправляли в ГУЛАГ. Позднее, в 1939 г., около 240 тыс. человек были арестованы в восточной Польше после советского вторжения. Из их числа 108 тыс. человек попали в ГУЛАГ, остальные – в ссылку". ("Газета польска", 23 февр.)

- "Статья „Газеты польской“ о концлагерях в Чечне (№5, 2005, 2 февр.) была подробно обсуждена на радио „Свобода“. Текст вызвал резкие возражения россиян". ("Газета польска", 23 февр.)

- "Российский МИД выразил протест против высказывания главы польской дипломатии по поводу убийства российскими войсками чеченского лидера Масхадова. Адам Ротфельд сказал, что независимо от нравственной оценки это была политическая ошибка, так как Масхадов хотел вести с Россией переговоры". ("Газета wyborcza", 11 марта)

- Министр иностранных дел Адам Даниэль Ротфельд: "Раз уж вокруг этого поднялся такой шум, скажу ясно: преступления, совершаемые террористами в России, в Чечне, в Беслане, заслуживают самых резких слов осуждения (...) Но дело – то в том, что Аслан Масхадов был потрясен трагедией в Беслане. Он был едва ли не единственным избранным чеченским президентом, который хотел искать пути к соглашению". ("Газета wyborcza", 11 марта)

- Адам Ротфельд: "Ухудшением отношений с Россией Польша, а прежде всего сам Квасневский, платит высокую цену за ангажированность на Украине. Советники Путина просто не поняли, что там произошло, и допустили серьезные ошибки. Теперь они ищут козлов отпущения". ("Газета wyborcza", 2 марта)

- "По мнению многих экспертов, Россия сознательно провоцирует напряженность [в отношениях с Польшей], чтобы

продемонстрировать мнимую русофобию Польши и привести к ее изоляции. В действительности, утверждают эксперты, речь идет о том, чтобы лишить Польшу возможности влиять на формирование восточной политики Евросоюза, что, как показали события на Украине, она может делать достаточно эффективно. И вопреки планам Москвы". (Славомир Поповский, Павел Решка, "Жечпосполита", 12-13 марта)

• Стефан Братковский: "Ни к одной другой стране, ни к одному другому народу официальная Россия не проявляет сегодня столько неприязни и злобы, сколько к Польше и полякам. Поляков нет на памятнике победителям фашизма [хотя по числу сражавшихся солдат они значительно превосходили французов, а вдобавок были единственными, кто воевал на обоих фронтах - восточном и западном. - Ред.]. Ялта снова делают справедливой, а поляков в русофобии обвиняет не только Путин, и такой стереотип лукаво внушают Западу. Может, мы просто угрызение совести, которое эта официальная Россия испытывает перед собственной страной, так как не хочет пойти по стопам Польши, а теперь и Украины?" ("Жечпосполита", 5-6 марта)

• "Россия Путина - это не единственная существующая Россия. Есть еще Россия демократов, Россия „Мемориала“, Россия Сахарова и Ковалева. Именно к таким русским друзьям Польша обращалась даже в самые тяжелые для себя времена восстаний и разделов. А теперь мы, к счастью, свободны и можем рассчитывать на силу убеждения. В конце концов ведь Ялта потерпела крах". (Марек Островский, "Политика", 19 февр.)

• "За многолетние усилия по поддержанию диалога между поляками и русскими Ежи Помяновский, создатель и главный редактор журнала „Новая Польша“, получил премию газеты „Жечпосполита“ (...) Премии им. Дариуша Фикуса присуждаются уже в восьмой раз. Главная идея конкурса - это истина и независимость, ценности, которые ныне покойный главный редактор „Жечпосполитой“ Дариуш Фикус считал основными для профессии журналиста". ("Жечпосполита", 11 марта)

• В сентябре и октябре 2004 г. помощник депутата Юзефа Грушки (члена комиссии Сейма по делам спецслужб и председателя комиссии по расследованию аферы нефтяного концерна "Орлен") Мартин Т. 12 раз встречался с Семеном Суслановым, третьим секретарем российского посольства и, по данным Управления внутренней безопасности, офицером российской разведки. Прокуратура предъявила Мартину Т. обвинения в согласии на сотрудничество с иностранной

разведкой и в сотрудничестве с ней. Мартин Т. признал себя виновным. Он был завербован осенью 2003 г. и сотрудничал до осени 2004-го. ("Газета выборча", 11 марта)

- "После нескольких месяцев перерыва польские молочные продукты снова экспортируются в Россию. Наши молокозаводы ждали получения российских сертификатов с октября. Инспекторы тщательно контролировали санитарные условия производства. Было проверено 75 предприятий, разрешения на продажу получили 35 (...) Российский продовольственный рынок очень привлекателен для польских фирм. В 2004 г., до того как экспорт был приостановлен, [польские] молочные фирмы заработали на нем 26 млн. долларов". ("Политика", 12 марта)

- "Любопытно, что до сих пор политические трения на линии Кремль-Варшава не оказали серьезного влияния на экономическое сотрудничество. Польские фирмы все лучше чувствуют себя на российском рынке. В прошлом году наш экспорт в Россию увеличился на 88% по сравнению с 2003-м. Нынешний год должен стать еще более успешным. Кроме того, наши предприниматели не только посылают на восток все больше товаров, но и планируют в России инвестиции. „Оказалось, что в наших отношениях с россиянами бизнес важнее политики. Это очень хорошая новость“, – сказал замдиректора Экономической палаты восточных рынков Марек Старчевский". (Славомир Поповский, Александр Майда и Петр Смилович, "Жечпосполита", 10 марта)

- Польша – первая страна, которую посетил с официальным визитом министр иностранных дел Украины Борис Тарасюк. "Я выбрал вашу страну, так как хочу выразить признательность польским властям и народу за поддержку демократии на Украине, за помощь в „оранжевой революции"", – сказал украинский министр. ("Жечпосполита", 19–20 февр.)

- "Журналисты „Тыгодника повсехного" получили премию „Золотое перо" для зарубежного средства массовой информации, которое лучше всего освещало события „оранжевой революции" (...) Премию присудили украинский Центр социально-политических исследований и мэр Киева. По данным Центра, неправительственной организации, поддерживающей независимые СМИ, во время „оранжевой революции" „Тыгодник" был самым читаемым на Украине иноязычным изданием". ("Жечпосполита", 3 марта)

- Министр иностранных дел Германии Йошка Фишер: "Мне бы хотелось поблагодарить польскую дипломатию, а особенно

президента Квасневского, за ангажированность на Украине". Фишер и его польский коллега Адам Ротфельд заявили, что 21 марта они вместе поедут в Киев. ("Газета wyborcza", 5-6 марта)

- "Строительство польской части трубопровода Одесса-Броды-Гданьск, сотрудничество в области энергетики и торговли газом, а также либерализация польского рынка труда для украинских сезонных рабочих – вот главные пункты вчерашних переговоров премьер-министра Марека Бельки в Киеве". ("Жечпосполита", 5-6 марта)

- "Ни в одной стране Евросоюза предприниматели и потребители не оценивают ближайшее будущее так оптимистически, как поляки. Таков вывод из опроса, проведенного брюссельскими чиновниками среди 110 тыс. предпринимателей и 30 тыс. их клиентов. По мнению экспертов, это предвещает, что в ближайшие годы наша экономика будет развиваться в 2-3 раза быстрее, чем в среднем по ЕС (...) В феврале показатель ESI, определяющий настроения среди предпринимателей и потребителей, достиг в Польше 142,8% от среднего результата". ("Жечпосполита", 2 марта)

- Главные организации предпринимателей, представляющие интересы работодателей в трехсторонней комиссии (правительство, профсоюзы, работодатели): 1. Конфедерация польских предпринимателей – основана в 1989 г., представляет около 4,5 тыс. фирм, в которых работают около 1,8 млн. человек. 2. Business Center Club – основан в 1991 г., объединяет свыше 1200 предприятий, на которых работают более 600 тыс. человек. 3. Польская конфедерация частных предпринимателей "Левиафан" – основана в 1999 г., объединяет около 3 тыс. предприятий, на которых работают более 500 тыс. человек. 4. Союз польского ремесла – существует с 1933 г., представляет около 300 тыс. ремесленных мастерских, в которых работают 1,5 млн. человек. 5. О приеме в трехстороннюю комиссию ходатайствует также Всепольская экономическая палата – основанная в 1990 г. крупнейшая организация экономического самоуправления, объединяющая 150 местных организаций, в которые входят 500 тыс. предприятий. ("Политика", 19 февр.)

- Среднемесячная заработная плата (в злотых) без вычета налогов составляет по отдельным отраслям: телекоммуникация – 3000, телеинформатика (IT) – 2800, банковское дело – 2760, энергетика и теплоэнергетика – 2500, СМИ и реклама – 2500, торговля – 2000, сфера услуг – 2000, наука и образование – 1866, культура – 1616, здравоохранение – 1563. Средняя зарплата по всем отраслям составляет 2188 злотых. ("Жечпосполита", 1 марта)

- Польша занимает 33-е место в Европе по среднестатистическому размеру заработной платы. В рейтинге лидирует Дания. Меньше всего платят своим работникам молдавские фирмы. Из отчета, опубликованного Европейской федерацией бухгалтеров (ФЕЕ), следует, что если среднестатистическую зарплату в Дании принять за 100%, то поляк зарабатывает 11%, а житель Молдавии – только два. Из числа стран-членов Евросоюза меньше, чем в Польше, зарабатывают только в Эстонии, Латвии и Литве. ("Жечпосполита", 4 марта)

- Проф. Вацлав Вильчинский: "Европейская комиссия уже не слишком верит в то, что мы выполним требования, связанные со вступлением в зону евро, и не видит нас в ней раньше чем через 4-5 лет (...) Я бы не слишком утешал себя некоторым расстоянием, которое еще отделяет наш государственный долг от границы 60% ВВП (...) Остановить крах государственных финансов – первоочередная и неотложная задача, от выполнения которой зависит стабильность экономических отношений и поддержание атмосферы, способствующей развитию". ("Впрост", 6 марта)

- "„Независимо от того, примет ли 5 мая Сейм решение о самороспуске, миссия моего правительства в этот день будет выполнена", – заявил Марек Белька (...) Многие говорят о том, что премьер-министр Марек Белька стал вдохновителем политического перелома, который приведет к проведению досрочных парламентских выборов (...) Президент Квасневский, которого некоторые подозревают в авторстве плана, осуществляемого Белькой, заявил, что 19 или 26 июня – это очень хороший срок для выборов". ("Жечпосполита", 4 марта)

- Уже второй мартовский опрос ЦИОМа свидетельствует о падении популярности "Гражданской платформы" – в настоящее время ее поддерживают 22% поляков. Далее места распределяются так: "Право и справедливость" – 16%, "Самооборона" – 14, "Лига польских семей" – 11, крестьянская партия ПСЛ – 8, "Союз демократических левых сил" (СДЛС) – 6, "Уния свободы" – 5, "Польская социал-демократия" и "Уния труда" – по 3%. Избирательный барьер составляет 5%. ("Жечпосполита", 12-13 марта)

- Архиепископ Юзеф Жицинский: "Оказалось, что в короткое время моральный протест общества смел те политические элиты, которые исключили из своего словаря понятие честности (...) Вера в собственные силы привела к тому, что недавние сторонники социалистического реализма позволили

вовлечь себя в аферистский сюрреализм (...) Долгое время мы считали, что для смены власти нужно выйти на улицу и продемонстрировать силу общественного протеста. Последний период правления „Союза демократических левых сил“ показал полякам, что место улицы могут занять нравственные ценности. Это очень важное открытие, свидетельствующее о силе этики в структурах демократического государства. Те, кто пренебрегал значением этических ценностей, должны пересмотреть свои прежние взгляды и принять во внимание значимость гражданского морального протеста". ("Жечпосполита", 26-27 февр.)

- Демократическая партия - так будет называться новое политическое формирование, создаваемое [лидером "Унии свободы"] Владиславом Фрасынюком и [вице-премьером, до недавнего времени членом СДЛС] Ежи Хауснером. Новой партии покровительствует Тадеуш Мазовецкий. "Мы создаем партию людей, которых отталкивает то, что делается слева, и беспокоит происходящее справа", - заявил Мазовецкий. Программное заявление подписали, в частности, Бронислав Геремек, Кшиштоф Козловский, Казимеж Куц, Вальдемар Кучинский, Ольга Кшижановская, Богдан Лис, Даниэль Ольбрыхский, Януш Онышкевич, Гражина Станишевская и Марек Эдельман. ("Газета wyborча", 28 февр.)

- Согласно подготовленному ЦИОМом рейтингу доверия к политикам, проф. Збигневу Религе доверяют 67% поляков, Александру Квасневскому - 66, Леху Качинскому - 52, Ярославу Качинскому - 51, Яну Роките - 46, Юзефу Зиху и Влодзимежу Цимошевичу - по 45, Мареку Бельке - 44, Дональду Туску - 42, Мареку Боровскому - 40, Анджею Лепперу - 38%. ("Газета wyborча", 1 марта)

- Согласно опросу Лаборатории социальных исследований, на предстоящих президентских выборах за Збигнева Религу готовы проголосовать 24% поляков, за Анджея Леппера - 15, за Леха Качинского - 14, за Марека Боровского - 13, за Влодзимежа Цимошевича - 12, за Дональда Туска - 10%. ("Жечпосполита", 1 марта)

- Перед ожидаемым допросом Александра Квасневского комиссией Сейма по расследованию аферы "Орлена" Гжегож Вечежак и Марек Дохналь, выступая в качестве свидетелей, дали этой комиссии, а также комиссии по расследованию приватизации Государственного страхового предприятия показания, бросающие тень на окружение президента. Оба свидетеля обвиняются в уголовных преступлениях. ("Тыгодник повшехный", 13 марта)

- "К сегодняшнему допросу [президента Александра Квасневского следственной комиссией] уже был подготовлен Колонный зал Сейма, а канцелярия президента подтвердила, что Квасневский предстанет перед комиссией. Однако в 18.30 президент заявил: „Я отказываюсь встречаться с комиссией". Квасневский отверг все обвинения, выдвинутые членами комиссии. „У меня никогда не было и нет счета в иностранном банке, я полностью доверяю фонду моей жены "Без барьеров" и моим сотрудникам", – сказал президент (...) Обосновывая свой отказ, Квасневский напомнил мнение юристов, которые говорили, что глава государства не может быть вызван следственной комиссией". ("Газета wyborcza", 8 марта)

- Из заявления президента Александра Квасневского: "Я беру назад свое прежнее согласие встретиться с комиссией. Я отказываюсь встречаться с ней завтра, ибо моей доброй волей пренебрегли. Я отказываюсь, ибо были пущены в ход недостойные методы и аргументы. Я отказываюсь, ибо мы имеем дело с политической игрой, участвовать в которой я не могу и не имею права. В то же время я хочу со всей силой подчеркнуть, что мне нечего скрывать ни от общественности, ни от органов правосудия. Я отказываюсь участвовать в политической авантюре, спровоцированной некоторыми членами комиссии по „Орлену". И если нужен был человек, который сказал бы этой комиссии: довольно таких методов, мы не согласны на них, – то этот человек я. Я знаю, что вы будете мстить, что вы выступите с различными нападками на меня, мою семью и моих сотрудников. Но вместе с теми, кто близок мне, я говорю: нет". ("Жечпосполита", 8 марта)

- "В последний момент президент Александр Квасневский в весьма резкой форме взял назад свое прежнее согласие на допрос. Со многими его аргументами трудно не согласиться. Работа комиссии часто не соответствует требованиям парламентарной демократии, а некоторые ее члены заботятся прежде всего о собственных политических интересах. Можно было опасаться и за то, будет ли достойным ход допроса. И все же, несмотря ни на что, ради блага польской демократии президент должен принять этот вызов. Слишком много в последнее время появилось сомнений относительно действий самого президента, а прежде всего его окружения, чтобы такое решение можно было оправдать. Эти сомнения нельзя оставить без ответа. Следует обратиться как к членам следственной комиссии, так и к президенту Александру Квасневскому с призывом сообща изыскать способ проведения допроса. Комиссия должна осознать, что допрос главы государства нужно проводить в особой обстановке, а президент – что

уклонение от объяснений – худший из возможных путей".
(Кшиштоф Готтсман, "Жечпосполита", 8 марта)

• Из открытого письма Леха Валенсы епископам и верующим польской католической Церкви: "Радио „Мария" угрожает польской демократии и образу польской Церкви в мире (...) Наличие в программах антисемитских и ксенофобских мотивов, сеансы ненависти, инструментальный подход к учению и личности Святейшего отца находятся в противоречии с христианской системой ценностей".
("Тыгодник повшехный", 6 марта)

• "От всей души благодарим Вас за спасение нас от смерти, за героизм, любовь, доброту и заботу. Желаем Вам здоровья, душевного спокойствия и преданных друзей, которых у Вас очень много среди нас", – такое поздравление получила вчера Ирена Сендлер в свой 95-й день рождения. Во время войны она вывела из варшавского гетто более 2,5 тысяч еврейских детей. Среди них была и Эльжбета Фицовская. На арийскую сторону ее вынесли в деревянном ящике. При ней была только серебряная ложечка с ее именем и датой рождения. Председатель Польского общества детей Катастрофы проф. Михал Гловинский говорит: "Когда-то я назвал ее „святой в миру", и я настаиваю на этом определении". В настоящее время Ирена Сендлер живет в доме престарелых при монастыре ордена бонифратров в варшавском районе Нове Място. ("Газета wyborча", 16 февр.)

• Из рецензии Павла Спевака на книгу "Антисемитизм в Польше и на Украине" под ред. Иренеуша Кшеминского: "Ширится современный антисемитизм, имеющий ярко выраженную политическую почву. Десять лет назад в таких взглядах признавались около 17% граждан, теперь – 27%. Несколько уменьшилась группа, свободная от расистских предубеждений (в 1992 – 57%, в 2002 – 46%). Все усилия и кампании, пропагандирующие терпимость и многокультурность, принесли довольно жалкие результаты. Победили те, кто с величайшим отвращением отзывался о терпимости, не считая, что эта добродетель заслуживает защиты. Слово „либерализм" обесценилось, а вместе с ним и ценности, основополагающие для того, что я уже много лет называю „либеральным минимумом" (...) Антисемитизм в значительной степени блокирует наше внутреннее созревание и коллективный рост. Он перестает быть одним из пороков и становится главной болезнью польской души". ("Тыгодник повшехный", 13 марта)

- "Его фамилия была Мондрый. Он был варшавским полицейским – таким простым, без позерства. Он спасал евреев. Его или его семью разыскивает герой варшавского гетто Симха Ротем – „Казик" Ратцаер". ("Газета польска", 2 марта)

- "Когда в квартире шестилетнего Брайана Хлебовского из Лодзи вспыхнул пожар, он сам позвонил в пожарную охрану. Тем самым он спас жизнь своему больному диабетом отцу и жителям всего дома. Не удалось спасти лишь самого Брайана. Несмотря на молниеносную спасательную операцию мальчик отравился угарным газом, в результате чего наступила смерть мозга. Прежде чем ребенка отключили от аппаратуры, поддерживающей жизнь, его мать выразила согласие на забор органов. Почки Брайана получили двое детей из Центра здоровья ребенка". ("Газета wyborcza", 16 февр.)

- На похороны Брайана Хлебовского пришли толпы жителей Лодзи. Президент Квасневский посмертно наградил мальчика медалью "За жертвенность и отвагу". Его именем будет названа детская площадка. "Если бы он был менее спокойным, рассудительным и мудрым, то, быть может, сегодня на этом кладбище стоял бы не один гроб", – сказал над могилой Брайана президент (мэр) Лодзи Ежи Кропивницкий. Необычным образом почтили память героя пожарные. Кроме цветов они принесли ему плюшевую игрушку. "Это мишка, которого мы обычно даем детям – жертвам пожара, – сказал начальник лодзинской городской пожарной охраны Гжегож Лыскович. – Брайану мы не успели его подарить и потому принесли на могилу". ("Газета wyborcza" и "Жечпосполита", 18 февр.)

- "Приют „На Палюхе" обращается к варшавянам за помощью: бездомным собакам, живущим в приюте, холодно. В приюте нет достаточного количества одеял, чтобы согреть псов, поэтому его работники просят каждого, у кого есть ненужное одеяло, отдать его..." ("Газета wyborcza", 17 февр.)

- "Издевательство над животными наказуемо в Польше начиная с 1928 года. В последние восемь лет за это можно попасть в тюрьму. Один раз это уже имело место. Еще полтора десятка человек приговорены к лишению свободы условно. Только 1% поляков считает, что наказания за издевательство над животными не нужны". (Изабелла Радлинская, "Жечпосполита", 17 февр.)

- "Человек, собирающийся отправиться в другое государство Евросоюза вместе со своей собакой или кошкой, должен получить на нее паспорт. Такой документ выдает ветеринар,

получивший соответствующие полномочия от окружного
врачебно-ветеринарного совета". ("Жечпосполита", 25 февр.)

• Из некролога: "Прощай, Кот!" ("Газета выборча", 9 марта)

О КАТЫНИ - ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД И СЕГОДНЯ

Весной 1980 г. к 40-летию катынского преступления парижская газета "Русская мысль" напечатала в пяти номерах (№№ 3303-3307, 10, 17, 24 апреля, 1 и 8 мая) мою статью "Катынь" - сокращенный и переработанный текст радиопередач, которые я делала на Радио "Свобода" в своей серии "Восточноевропейские свидетельства". В этом довольно большом тексте я постаралась, если можно так выразиться, одновременно как можно более подробно и как можно более сжато описать всю историю преступления и его расследования по данным, собранным к тому времени. Это, разумеется, была компилятивная работа, а не труд историка: я использовала все доступные мне источники, лишь время от времени делая отступления-комментарии (их-то я и буду приводить: они менее устарели, чем сведения, ныне общеизвестные).

Готовя настоящую статью (во многом основанную на материале прежней), я ознакомилась с ней Алексея Памятных и Габриэля Суперфина - благодаря их замечаниям внесены дополнения и уточнения.

В начале статьи "Катынь" говорилось:

"Для всех, кто не забыл это слово, оно означает только одно - кровавое преступление советского режима. Даже обладая той малой дозой информации, которую можно получить в Советском Союзе, трудно было согласиться с выводами неубедительного, слишком грубо фальсифицированного официального советского сообщения (январь 1944) о том, что массовое уничтожение польских военнопленных в Катыни - дело рук "немецко-фашистских захватчиков". (...)

На Большом Нюрнбергском процессе по требованию советских судей [точнее было бы написать: прокуроров] Катынь была включена в обвинительное заключение - и затем ни словом не упомянута в приговоре. В задачи Нюрнбергского трибунала не входило искать, кто совершил не совершенное немецкими военными преступниками преступление. На них оно не пало - допустим, за недостаточностью улик. За 35 лет улики исследованы в полном объеме и не оставляют сомнения в том, кто преступник".

Я и сегодня считаю, что горы ныне открытых, рассекреченных, разархивированных документов практически ничего не прибавили к ответу на главный вопрос: какое государство, какой режим, по чьему приказу совершил это преступление? Они вскрывают механику преступления (мы, например, всегда наивно думали, что никаких письменных следов распоряжения об убийстве польских офицеров не сохранилось – ан нет, есть прямое решение политбюро ЦК ВКП(б), и сохранилось множество других документов, позволяющих раскрыть картину преступления в деталях), но ответ был известен десятки лет назад.

"Беспрецедентное"?

В последней части статьи, подводя итоги, я писала:

"Трудно согласиться с Луисом Фиц-Гиббоном [автором книги "Katyn: crime without parallel"], когда он называет Катынь "беспрецедентным преступлением". Слишком много аналогичных в советской практике: потопленные баржи с заключенными, заживо сожженные в бараках и камерах, массовые расстрелы в лагерях, особенно колымских. Достаточно вспомнить страшный рассказ Шаламова "По ленд-лизу", где глазам наблюдателя случайно открывается массовое захоронение убитых заключенных. Да только наблюдателей там иных нет, кроме охраны и зэков.

Во время той же немецкой оккупации были вскрыты массовые могилы советских граждан в Виннице. Захоронения на территории огороженного и сделанного запретной зоной парка культуры и отдыха производились в 1938 году. Разница с Катынью была в том, что расстрелы производились не на краю рва, а в подвалах тюрьмы НКВД, затем грузовики отвозили трупы к массовым могилам. Среди тысяч тел многие жители города и окрестных сел узнали своих близких. Все опознанные были в свое время арестованы и приговорены к десяти годам без права переписки. Зная, сколь распространенным был в те годы такой приговор, зная, что он всегда означал расстрел (слухи об этом ходили еще перед войной, очевидным это стало в эпоху реабилитаций), нетрудно сделать вывод, что, возможно, каждая областная тюрьма имела свои "катынские рвы". Как и в Катыни, в Виннице массовые могилы были засажены молодыми деревцами, парк перед войной был снова открыт, над трупами была воздвигнута музыкальная веранда. В каких парках культуры и отдыха, в каких пригородных лесах лежат сотни тысяч теперь уже не трупов, а скелетов расстрелянных?"

Так оно и оказалось: свои "катынские рвы" нашлись в каждой области: и при областных тюрьмах, и в других, более удаленных от тюрем местах. И не раз над ними были разбиты парки культуры и отдыха. Кстати, и там, где я писала насчет использования трех монастырей как мест заключения польских военнопленных, я напоминала, что традиция использования монастырей в этом качестве – но "для своих" – к моменту катынского убийства насчитывала уже двадцать лет.

"Нельзя считать катынское преступление беспрецедентным и в том отношении, что это было убийство военнопленных. Государство, не подписавшее Женевской конвенции о военнопленных, заставившее миллионы попавших в плен советских солдат и офицеров сдыхать с голоду, а выживших загонявшее в свои лагеря, не располагает к тому, чтобы от него ждали цивилизованного поведения".

Одним словом, не было ничего особо нового под советским небом.

"И все-таки есть что-то в катынском убийстве, что заставляет душу всякого, кто прожил ту эпоху в СССР, особенно содрогнуться. То ли факт, что это были бойцы армии, первой принявшей на себя удар во время II Мировой войны – и притом с двух сторон. Жертвы пакта, заключенного между Гитлером и Сталиным, жертвы четвертого раздела Польши. То ли это извечная русская боль за Польшу, за вину перед Польшей, которая никогда не была столь болезненной, столь оправданной: даже кровавое подавление польских восстаний, виселицы для повстанцев – все это было открыто, откровенно, террор без красивых слов и пропагандистской лжи. То ли вот эта самая ложь, сначала грубая ложь, а потом запрет на самое слово "Катынь", как будто и не было никогда ничего. Разве что в "Таймс" советский журналист напишет возмущенное письмо о том, что дело Катыни давно решено Нюрнбергским трибуналом (и соврет). Для внутреннего употребления даже ложь о немецком преступлении отставлена теперь, лишь бы вытравить из памяти слово, факт, преступление".

Тут я приведу опущенный мною выше (замененный многоточием в скобках) фрагмент из начала статьи:

"Но многие ли в СССР **помнят** о Катыни? О ней давным-давно нет никаких упоминаний в советской прессе, которая вообще постоянно напоминает о памятных местах фашистских зверств, о мемориалах, воздвигнутых на местах массовых уничтожений. В Катынском лесу мемориала нет..."

Мемориала не было, но "памятник" стоял, хотя мало кто об этом слышал; на нем, естественно, была дата "1941", а преступниками были названы все те же "немецко-фашистские оккупанты". Я думала, что лживый "памятник" (о нем я тоже писала в своей статье) поставили в конце 70-х, но Алексей Памятных сообщает:

"До последнего лживого памятника там тоже ведь стоял лживый (его довольно плохого качества фотография есть, например, в книжке Заводного) - просто один заменили на другой. О причине замены мне гадать трудно - не исключено, что пришла мысль "благоустроить мемориал", а заодно избавиться от невероятного количества грамматических ошибок в польской надписи на предыдущем памятнике. Но умельцы умудрились и на новом памятнике сделать грамматическую ошибку (я там был, и у меня есть фотографии 1987 года, когда нас с сыном оттуда погнал КГБ-шник, потом я написал "от дурака" письмо в Смоленский обком КПСС - не про ошибку, а про мемориал, к которому не пускают трудящихся, - и даже получил ответ, который пользовался большим успехом среди моих польских приятелей, где и потерялся в конце концов, но это совсем другая история). Так вот, даже на последнем лживом памятнике была ошибка: написали "polskim oficerAm" вместо "polskim oficerOm", т.е. написали на русский манер, поляков постыдились спросить".

Во втором письме А.Памятных уточняет некоторые детали:

"После Бурденко там поставили что-то крайне временное с надписью типа "Воин Красной Армии, отомсти!", после войны (в 50-х?) поставили каменный памятник с надписями по-польски и по-русски, польский текст был анекдотическим в смысле грамотности (он у меня где-то был, но под рукой нету). Более поздний советский мемориал появился, боюсь соврать, в конце или середине 1970-х, а во второй половине 1980-х его попытались формально вычленивать из территории КГБ-шных дач, выгородив соответствующими дополнительными заборчиками. Я попал еще без этих заборчиков, когда доступ был закрыт (ответ обкома на мое "письмо трудящегося" был в стиле "Вы ставите правильные вопросы, и теперь мы планируем..." - а далее пара канонических фраз про расстрел поляков немцами в 1941)".

А я тогда считала, что "памятник" воздвигли лишь после того, как советская пропаганда решила "сбить волну" нараставшего международного разоблачения. В число особенно возмущивших СССР поступков входило, например, открытие в 1976 г. в Лондоне символического памятника Катыни, где мы с

Виктором Файнбергом (моим другом и подельником по демонстрации на Красной площади против вторжения в Чехословакию) присутствовали и возложили венок. В своей статье 1980 г. я писала:

"В 1976 году Катынь мешала уже не сотрудничеству, а разрядке: перед открытием памятника жертвам Катыни с датой "Катынь 1940" лейбористское правительство оказывало давление на мэра лондонского округа Челси-Кенсингтон с целью отменить торжественное открытие памятника. Когда это не удалось, оно не только не прислало на открытие своего представителя, но и запретило офицерам британской армии являться на церемонию в форме. Это было ответом гордой Британии на многочисленные протесты посольств ПНР и СССР. Негодование и возмущение охватили тогда всю прессу, политику правительства осудили в рядах консервативной, либеральной, а отчасти и самой лейбористской партии. Правительство отвечало: нет, мол, прямых доказательств того, что катынские могилы – советское преступление. Аргумент был принят общественностью как смехотворное лицемерие в угоду сильному партнеру".

К тому времени британский МИД уже

"решился опубликовать лежавшие в архивах рапорты сэра Оуэна О'Малли, посла при польском правительстве в Лондоне. В 1943 и 1944 гг., обращаясь к [министру иностранных дел] Идену, он писал, что собранные им доказательства однозначно определяют советскую вину".

Однако, сказав, что в Катынском лесу мемориала нет, я напоминала о другом:

"Зато из десятков действительно уничтоженных фашистами белорусских деревень выбрали деревушку со сходным названием Хатынь, словно желая сбить с толку, вытеснить из сознания само слово "Катынь". Нет статьи "Катынь" в Большой Советской Энциклопедии, нет и в варшавский Большой Всеобщей Энциклопедии. (...) Нынешнее молчание разоблачает вчерашнюю ложь".

Катынь 2005

Сегодня сложилось странное положение: правда сказана, а ложь – по-прежнему жива, и по-прежнему (сужу по Интернету) Катынь путают с Хатынью (причем, как я уже отмечала в своей предыдущей статье – см. "НП", 2005, №3, – путаница теперь

идет двойная, в обе стороны). Вот два характерных отрывка с форума "Боевой народ":

"А вот Хатынью я бы поосторожней оперировал – там до сей поры не ясно – кто кого поджигал и резал... То ли немцы беззащитных белорусов, то ли войска НКВД тех же, то ли вообще наши – польских офицеров, ну и население вкуче – за то, что видели лишнее... В общем, дело весьма темное. Кстати, если поглядеть на это с точки зрения – кому оно было выгодно, то скорее нашим, чем немцам, – так сказать, для поднятия волны народного гнева... А вот немцам – я уже об этом ранее – это-то как раз вовсе не выгодно – и так в тылу черти-что творилось – партизаны там всякие – часть из которых есть бандиты самые настоящие... Сейчас и не разберешь, где правда..."

Ему отвечает знающий человек:

"Стоп-стоп-стоп, Костя... Мне кажется, ты что-то путаешь: **Катынь** (катынский лес, где НКВД польских офицеров расстреливали) и **Хатынь**, деревня, которую уничтожили немецкие каратели совместно с полицией – две большие разницы!!! Даже по времени – несколько лет!"

И тут вмешивается еще один знающий, но с поразительной точкой зрения:

"про **Катынь** и **Хатынь** это полный финиш. **Катынь** это где полякофф мочили (и правильно сделали), а **Хатынь** это деревня которую немцы спалили в 1943 г."

Если б он и тут добавил "и правильно сделали", можно было бы подумать, что дурацкая шутка, но не добавил...

Конечно, такое откровенное крайнее мнение – редкость, защитники (незащитимой) версии о том, что поляков убили немцы, а все разговоры о том, что преступление совершено руками НКВД, – это "геббельсовская пропаганда", не скажут "и правильно сделали", хотя в душе, может быть, так и думают, тем более что – в той же "душе" – не могут не знать, кто совершил преступление.

Если не по должности, то "в душе" они соратники господина Черкесова, бывшего следователя Ленинградского УКГБ, а ныне главного федерального борца с наркотиками, который гордится тем, что он чекист, и обрушивается на тех, кто разоблачает прошлое славных органов (занимается, по его терминологии, "античекизмом"). Но меня здесь интересуют не столько

Черкесов, Мухин и их чекистские или парачекистские подголоски – меня интересуют те, кто считает, что Катынь ушла в историю и даже неважно, кто там и что сделал. Это, мол, польские дела, пусть поляки об этом заботятся, а главное: пусть к нам с этим не лезут.

Один из участников "Военно-исторического форума" в русском Интернете провел опрос, задав посетителям форума четыре вопроса:

– Считаете ли Вы тему Катыни актуальной для российско-польских отношений или в любом ином аспекте?

– Считаете ли Вы, что тему надо как-то подытожить – закрыть на политическом или юридическом уровне, – или решать уже нечего, пусть заинтересованные историки копаются в деталях?

– Связываете ли Вы тему Катыни с другими военно-политическими вопросами – например, с темой советско-польской войны 1920 года?

– Есть ли у Вас сомнения в том, кто расстрелял польских офицеров в Катыни, Калинин и Харькове?

И вот на первые два вопроса чуть ли не все ответили одинаково: на первый – "нет", на второй – "да". Не объясняя или по-разному объясняя, но четко: нет, тема не актуальна; да, хватит об этом говорить. В ответах на третий и четвертый вопрос мнения расходятся, и тут нашелся даже апологет идеи "мочить полякофф", отвечая, что сомнений нет – и:

"Так же как нет сомнений, что это было сделано правильно".

Приведу одно, казалось бы, вполне корректное, но очень опасное объяснение необходимости закрыть катынскую тему:

"Эту тему надо просто оставить в покое. Эта история завершилась. Подобно тому, как история татарского ига на Руси не мешает прекрасным отношениям России с Монголией".

Как будто никто уже не помнит, что Катынь (еще раз подчеркиваю) – одно из множества преступлений коммунистического режима. На мой взгляд, желать забыть о Катыни – это желать забыть и о "катынских рвах" по всей стране, забыть о наднациональном характере коммунистической чумы, поразившей в XX веке пространство бывшей Российской империи и не щадившей ни "своих", ни "чужих".

Об этом недавно писал Александр Даниэль из московского "Мемориала". По его наблюдениям,

"попытка нынешней администрации восстановить в слегка модернизированном виде старую имперскую историческую мифологию, лишь изъяв из нее наиболее одиозные элементы коммунистической доктрины, встречают довольно широкую поддержку.

Каким же образом это состояние умов пришло на смену общественным настроениям конца 1980-х? И куда при этом делась пробудившаяся было коллективная память о терроре? Частью национального сознания она так и не стала – это ясно.

Представление о коммунистическом терроре как об общенациональной катастрофе, то представление, к выработке и закреплению которого в национальном сознании мы были так близки в конце 1980-х, – не сложилось.

(Говоря о закреплении представлений в национальном сознании, я имею в виду формирование в нем неких концептов самого общего порядка, таких как "в XIII–XV вв. Россия пережила татаро-монгольское иго". Или: "мы победили в Великой Отечественной войне". Т.е. нечто такое, с чем никто, кроме отъявленных эксцентриков вроде Гумилева и Фоменко, – я, разумеется, не равняю эти два имени, – не спорит. Утверждение "в XX веке Россия пережила беспрецедентную эпоху, главный смысл которой – подавление всяческой свободы и массовые убийства граждан государством" такой точкой общего согласия не стало)".

Если нет общенациональной памяти о комплексе беспрецедентных, беспрецедентных, свыше запланированных убийств, о беспрецедентном, беспрецедентном, тотальном подавлении свободы – не будет, конечно, и памяти о каждом отдельном массовом убийстве, и Катынь будет восприниматься лишь как назойливые претензии каких-то поляков, которые не хотят жить мирно, хотя никто их больше не трогает.

И все-таки надежда есть. Опять заглядываю в Интернет и на "Форуме ТВС" нахожу:

"А что мы должны чувствовать, вспоминая Катынь? Не знаю, что вы понимаете под коллективной ответственностью. Тот абсурд, к которому свели обсуждение, над чем посмеялись? Да, как-то не звучит – "коллективная ответственность", пахнет совком, но что-то же я чувствую. Чувствую

индивидуально, а не потому, что кто-то там на официальном уровне эту ответственность утвердил".

Вот и я так чувствую.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Из письма Алексея Памятных Наталье Горбаневской при обсуждении статьи "Катынь - двадцать пять лет назад и сегодня"

Насчет памяти о терроре и в этом контексте - о Катыни.

Возразить трудно. Мы - иваны, не помнящие родства, нормального расчета с прошлым в свое время (лет 15 назад) сделано не было, а ожидать его в обозримом будущем тем более нечего. Нынешняя молодежь живет сегодняшним днем, не до того ей. А нужды власти по какой-никакой консолидации общества (или чтоб не подсакивали) играют в ту же сторону - память о терроре и расчет с прошлым сюда не очень укладываются. Слова "у нас была великая эпоха" укладываются намного лучше. Я это чувствую по интернет-общению с, наверное, не самыми глупыми людьми. Кстати, и в Польше молодежь вовсе не так уж в курсе про Катынь - два-три стандартных предложения, и всё.

И раздражение по поводу катынской тематики тоже есть - причин несколько. Кстати, и самые активные по юридически-политическим аспектам Катыни люди (включая Институт национальной памяти) не так уж в курсе - по-моему, больше шуму, чем дела. И то, что фактически совместное российско-польское расследование ушло в песок, а теперь выродилось в грызню, - вина не только российской стороны.

И что делать? За других не скажу, а свою очень скромную роль вижу в занятии по способностям - например, с большим удивлением обнаружил, что никто толком не сравнивал немецкий список 1943 года и этапные списки НКВД из Козельска в 1940 году. Точнее, как раз сравнивали и наловили сенсаций про посторонних (не-козельских поляков в Катыни), а таковых там при более внимательном анализе - нет. И уже это развенчивает базовые построения Мухина, к примеру.

Более или менее строгая статистика соответствия этапов и эксгумации тоже не сделана, только выборочно. Грамотных, образованных людей, сомневающих в том, кто виноват за Катынь (а таких вовсе не единицы, и при отсутствии надлежащего просвещения их количество растет - еще

немного, и ответственность немцев за Катынь вовсе не будет восприниматься как курьез, вчерашнее заявление ГВП России [имеется в виду заявление главного военного прокурора РФ А.Н.Савенкова от 11 марта – см. о нем публикуемое в этом номере заявление "Мемориала". – НГ] при небольшом желании можно считать первой ласточкой, цифры там были названы удивительные), – грамотных людей можно убедить только грамотным же подходом, а не газетным шумом.

В несколько более поздней дискуссии в связи с заявлением нашей прокуратуры по Катыни я лишний раз убедился, что трактовка Катыни как акта геноцида обречена в России на провал. Хотя официально, хоть среди, скажем так, общественности. Если уж воевать, так за военное преступление (именно так оно представлялось в Нюрнберге советской стороной – если не ошибаюсь, как одно из двух основных преступлений против военнопленных, документов у меня под рукой нет).

ЭТОТ ДЕНЬ

День 65-й годовщины преступления, обобщенно именуемого катынским, стал одним из важнейших дней во всей истории отношений между поляками и русскими.

Во времена ПНР в этот день на кладбищах появлялись одинокие женщины, клавшие цветы на пустую, символическую могилу или под деревянным крестом с наскоро вырезанной датой – 1940. Кресты выкорчевывала милиция, на следующий день их уже не было, но из года в год на кладбища приходило все больше народу. Позднее, когда Михаил Горбачев публично признал, что убийство было делом рук НКВД, а Рудольф Пихоя от имени Бориса Ельцина передал Леху Валенсе постановление политбюро ВКП(б) от 5 марта 1940 г., предписывавшее уничтожить интернированных польских офицеров, годовщину уже можно было отмечать явно. И, возможно, это стало бы обычной рутиной, если бы не растущее официальное сопротивление российской стороны, не желающей выявлять всю правду и называть ее по имени. Это сопротивление сопровождалось целым хором клеветнических высказываний, уже известных читателям "Новой Польши". Целью их авторов было отрицать советскую вину или снять с нее печать геноцида, хотя планомерное истребление интеллектуальной элиты общества заслуживает такого названия – ведь в Катыни, Медном, Пятихатках (и Бог ведает где еще) лежат преимущественно запасники, интеллигенты, которые в сентябре 1939 г. надели старые мундиры, чтобы защищать родину от нашествия гитлеровских войск, а попали в руки Сталина. Малодушная ложь не только разочаровала поляков, но и нанесла удар по прекрасной русской традиции правдоискательства, которую каждый читатель Толстого или Солженицына считает характерной чертой русских.

И вот 16 апреля 2005 года мы оказались на улице Краковское Предместье, во дворце, где некогда жил царский наместник завоеванной страны, в том самом зале, где теперь проходят шумные приемы, дипломатические аудиенции и назначения министров. Наш журнал не пишет о них, ибо не желает быть ничьим официальным бюллетенем, а лишь местом диалога. На этот раз вдоль одной стены расселось польское правительство в полном составе, а также дипломаты, в том числе послы Российской Федерации, Литвы и Украины; напротив, на нескольких рядах стульев, расположились полсотни

немолодых, чрезвычайно скромно одетых людей. Там были поляки из Федерации катынских семей, украинцы и русские из "Мемориала", историки и рабочие, бывшие ээки и бывшие студенты. Сбоку затаились операторы с телевидения, журналисты и самые прыткие корреспонденты заграничных газет.

Когда через минуту в зал вошел президент Речи Посполитой, все мы встали, как велит обычай. Однако президент не пригласил нас усесться поудобнее и выслушать набор округлых фраз. Да никто бы этого и не сделал. Мы почувствовали, что перед нами – нет, среди нас! – находятся защитники памяти, борцы за правду. Так мы и стояли по стойке смирно, слушая, как произносятся имена людей, награжденных высшими орденами Речи Посполитой, – имена, знакомые нам либо по передававшимся шепотом легендам, либо по сухим сообщениям о приговорах. Огромное волнение вызвали имена российских граждан: они опровергали мнение, что на берегах Волги и Невы живут лишь клеветники и враги, зарящиеся на нашу вымоленную у судьбы независимость.

Окружая почетом и признательностью наших русских друзей, мы подтвердили, что поляки умеют отличать Россию официальную от России реальной. Мы обвиняем не русский народ, а палачей, запятнавших историю России кровью, а наши взаимоотношения – еще и ложью. Мы умеем также оценить подвиг тех, кто стоял на стороне справедливости, зная, чем они рискуют. Это они доказали, что катынское преступление действительно было совершено в 1940 году и, следовательно, было делом рук НКВД, что захоронения есть даже там, куда немцы вообще не дошли (хотя бы в Медном).

Они приехали сюда не за почестями и привилегиями. Приступая к сбору документальных и вещественных доказательств, они не рассчитывали ни на какую выгоду. И польские ордена были ничем иным, как ничтожным доводом нашей признательности за то, что не поддается измерению: за жертвенность ради правды. Они хотели жить не по лжи, как учил их великий соотечественник.

Редактор

НАГРАЖДЕННЫ:

• командорским крестом ордена Заслуги Республики Польша – Олег Демин, Наталья Лебедева, Михаил Пилипчук, Александр Яковлев;

- офицерским крестом ордена Возрождения Польши – Данута Малон, Болеслав Пророк;
- офицерским крестом ордена Заслуги Республики Польша – Наталья Дементьева, Татьяна Кудрявцева, Рудольф Пихоя, Владимир Подъячев, Леонид Стасевский, посмертно Степан Радевич (орден вручен Раисе Радевич);
- кавалерским крестом ордена Возрождения Польши – Геральдина Бучинская, Олег Закиров, свящ. Яцек Кучмик, Анна Лехович, Зофья Рутковская, Богна Шклярчик, Ежи Шлетинский, Богдан Тачак, Станислав Янковский;
- кавалерским крестом ордена Заслуги Республики Польша – Андрей Блинушов, Сергей Глушков, Александр Гурьянов, Геннадий Жаворонков, Алексей Памятных, Валентина Парсаданова, Никита Петров, Михаил Рогачев, Арсений Рогинский, Валентина Суворова, Евгения Хайдарова, посмертно – Анна Гришина (орден вручен Лоре Харлап), Юрий Зоря (орден вручен Милице Зоре) и Виктор Лозинский (орден вручен Андрею Блинушову);
- золотым крестом Заслуги – Михаил Гнедовский, Тереса Душинская, Кристина Затонь, Габриэла Зых, Александр Конов, Сергей Кривенко, Эмилия Мачковяк, Эва Рослан, Юрий Шарков.

Президент сообщил также о награждении не прибывших на церемонию вручения: Анатолий Яблоков удостоился офицерского креста ордена Заслуги Республики Польша, Янина Александрович – кавалерского креста ордена Возрождения Польши, Светлана Филонова – кавалерского креста ордена Заслуги Республики Польша, а Эдвард Грудзинский – золотого креста Заслуги.

РЕЧЬ ПРЕЗИДЕНТА АЛЕКСАНДРА КВАСНЕВСКОГО

Господа маршалы [Сейма и Сената], господин премьер-министр, господа министры, ваши превосходительства послы, ваши преосвященства, а прежде всего уважаемые представители "Катынских семей", уважаемые награжденные, уважаемые гости из России и Украины, дамы и господа!

Катынское преступление стало символом польского мученичества, одной из самых горьких страниц нашей истории. Мы до сих пор потрясены масштабами этой трагедии, цинизмом и жестокостью этого убийства.

65 лет назад по приказу Сталина и других представителей советского руководства было уничтожено 22 тысячи

беззащитных польских военнопленных – главным образом офицеров Войска Польского, работников полиции, погранохраны, тюремного ведомства и администрации. Все они оказались за колючей проволокой лагерей в Старобельске, Козельске и Осташкове, а также в советских тюрьмах, после того как 17 сентября 1939 г. Красная Армия неожиданно вторглась на территорию польского государства, отражавшего тогда агрессию гитлеровской Германии. Через полгода их судьбы окутала зловещая тишина. Страшную правду о случившемся скрыли братские могилы в Катыни, Медном и Харькове. Палачи хотели, чтобы эти безымянные, поросшие лесом могилы были навсегда вычеркнуты из человеческой памяти. На целые полвека их окружили завесой молчания, засыпали ложью. Все, кто упрямо и непреклонно помнил, кто искал правду о катынском преступлении, подвергались по эту сторону "железного занавеса" суровым репрессиям и преследованиям. Горько было и то, что демократический мир, получавший информацию и догадывавшийся о правде, чаще всего тоже участвовал в заговоре молчания, который был организован тоталитаризмом.

Сегодня мы собрались здесь уже в новые времена и при других обстоятельствах. Правда победила! При воспоминании о случившейся 65 лет назад трагедии наши сердца все еще пронизывает боль и скорбь, однако катынский крест утвердился в нашем сознании как знак не только страдания, но и надежды. Мы воздаем дань памяти убитых, будучи убеждены, что независимая Польша выполняет свой великий долг перед ними, что она сумела услышать их немой крик и ответить на него.

Завеса лжи сорвана. Сегодня имена главных виновников катынского преступления, принимавших смертоносные решения, уже известны. Их вина бесспорна. Их подписи под документами, равнозначными смертному приговору, представлены общественности.

Пять лет назад, в 60-ю годовщину катынского преступления, мы смогли торжественно открыть и освятить кладбища в Харькове, Катыни и Медном. Прах расстрелянных наконец обрел достойное место погребения. Исполнилось задушевное желание многих из присутствующих здесь: встать и помолиться над могилами близких, над могилами жертв, которым вернули имена и должную память.

Думаю, что и здесь, в Варшаве, мы должны подумать, каким образом увековечить мученичество и в то же время победу правды, символом которой стала Катынь. Надо изыскать

способ, чтобы документация и все сохранившиеся вещи, связанные с памятью об этом событии, были доступны, особенно молодежи. Это также наш долг перед жертвами, перед нынешними и будущими поколениями.

Уважаемые дамы и господа!

Только что я имел честь вручить высокие награды людям, которые внесли выдающийся вклад в раскрытие и документирование правды о катынском преступлении. От имени Речи Посполитой я склоняю перед вами голову в знак великого восхищения и уважения. Мне бы хотелось низко поклониться всем награжденным, представляющим "Катынские семьи". В вашем лице я воздаю должное всем вашим семьям – тем, кто на протяжении десятилетий, невзирая на лживую пропаганду и травлю, требовал правды, верно хранил память о близких и о трагической странице польских судеб.

Позвольте мне обратиться к человеку, которого здесь сегодня нет, но которому я хочу выразить наше особое уважение, – к отцу Здиславу Пешковскому, капеллану "Катынских семей" и "Убитых на Востоке", бойцу сентябрьской кампании и свидетелю трагических событий того периода. От имени Речи Посполитой я хочу выразить вам огромную признательность и благодарность за то, что на протяжении всех этих лет вы были наперсником боли и страданий стольких польских семей, что в трудные минуты вы несли им утешение, надежду и доброе слово.

Благодарю всех поляков в стране и в эмиграции, которые не позволили задушить и забыть правду о Катыни. Выражаю благодарность всем моим соотечественникам, содействовавшим достойному увековечению памяти жертв и созданию кладбищ. Слова благодарности обращаю к Совету по охране памяти борьбы и мученичества. Хочу поблагодарить также тех, кто сегодня – в частности, на форуме объединяющейся Европы, Европейского парламента – прилагает усилия, чтобы катынская трагедия воспринималась как универсальное предостережение всему нашему континенту, чтобы таким образом преодолеть негативное прошлое. Признателен я и Институту национальной памяти за его действия, направленные на полное выяснение обстоятельств катынского преступления и выявление всех его виновников.

С особым почтением я обращаюсь к награжденным из России и Украины. Вы – люди чуткого сердца и совести. Мы знаем, что

преступная сталинская система поглотила миллионы человеческих жизней из многих народов. Русская, украинская, белорусская, казахская земля и другие регионы бывшего СССР пропитаны кровью жертв этого тоталитарного режима. Земля помнит также жестокость многочисленных гонений. Эта система была жестока не только к чужим, но и к своим собственным гражданам.

Катынское убийство – одно из многочисленных преступлений, совершённых сталинскими палачами. Поэтому нас так трогают свидетельства великодушия, справедливости и солидарности всех, кто сумел понять нашу боль, кто увидел в катынском преступлении и лжи о нем кровоточащую рану нашей общей истории. Мы склоняем голову перед благородством и величием Андрея Сахарова и Александра Солженицына, перед членами "Мемориала" и всеми, кто ощущает братство страдания и долг общей памяти.

Люди, о которых я говорю, – это вы, уважаемые дамы и господа! Врученные вам сегодня награды – лишь скромный знак того огромного чувства признательности, которое испытывает к вам Польша. Спасибо всем, кто помогал и помогает нам раскрывать правду, следить за местами погребения, укреплять и делать общедоступной память. Вы проявили по отношению к нам глубокую человечность и солидарность. От всего сердца благодарим за это всех наших восточных друзей!

Дамы и господа!

Память о катынском преступлении занимает особое место в отношениях между Польшей и Россией. Мы помним, что Михаил Горбачев и особенно президент России Борис Ельцин нашли в себе мужество и силу отвалить этот тяготевший над нами камень лжи и молчания. Это было историческое достижение, которое сблизило наши народы и принесло надежду на прочное примирение. Нельзя останавливаться, нельзя сходить с этого пути!

Множество положительных событий позволило нам надеяться, что катынская рана может зарубцеваться. Мы хотим, чтобы трагическому прошлому был подведен итог и чтобы оно уже не бросало тень на будущее. Но путем к примирению должна быть прежде всего правда. Поэтому в деле о катынском преступлении нужно выяснить до конца все, что еще требует выяснения.

Должны быть расследованы и выявлены все обстоятельства этого преступления. Дело первостепенной важности –

выяснить судьбу и установить места погребения тех семи тысяч убитых, могилы которых до сих пор не найдены. Мы ожидаем от властей Российской Федерации окончательного признания того, что катынское преступление было актом геноцида – как это определили на Нюрнбергском процессе, когда Советский Союз считал виновницей гитлеровскую Германию. Необходимо назвать имена не только политических заказчиков убийства, но и всех непосредственных исполнителей. Мы хотим, чтобы Польше были переданы все архивные документы, касающиеся этого преступления.

Уважаемые дамы и господа!

Хотя поляки отмечены печатью страданий и мученичества, они не одержимы исторической манией. Мы хотим смотреть в будущее. Мы хотим вместе с Россией принимать вызовы нового времени в открытой, объединяющейся Европе.

Однако у нас есть моральное право и долг называть зло злом. Мы должны сделать все, чтобы правда о трагическом прошлом польско-российских отношений, особенно о катынском преступлении, была выявлена и совместно проанализирована. Трудно найти другой способ, который мог бы лучше засвидетельствовать общечеловеческие ценности, которые мы вместе исповедуем. Так смотрят на это и многие русские. Их позицию, разделяющую польские требования окончательно выяснить катынское преступление, мы восприняли с волнением и надеждой.

Приближается годовщина великого исторического события, которое никого не может оставить равнодушным. 60 лет назад на нашем континенте завершились кровавые бои II Мировой войны. Была одержана великая победа над фашизмом. Однако Европа и мир должны помнить, что плоды победы были разделены несправедливо. Не всем народам освобождение от оккупации принесло свободу и право на самоопределение. Не везде за героизм и патриотизм платили признанием и наградами. Порой несправедливость дожидалась исправления долгие годы.

Сегодня, в объединяющейся Европе, пришло время закрыть горькие страницы истории – прежде всего вписав на них правду и почтив память жертв, а также сделав соответствующие выводы. Поэтому с этого места и в этот особенный день я призываю поляков и русских: давайте вместе искать пути, которые приведут нас к правде, взаимопониманию и примирению во имя будущего! Это зависит от нас. Таков наш долг перед жертвами Катыни!

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВ:

Ваши превосходительства, уважаемые дамы и господа! Я испытываю огромное волнение от нашей встречи в годовщину трагических событий. Прежде всего позвольте мне воспользоваться случаем, чтобы выразить глубокие соболезнования польскому народу в связи с кончиной великого человека, которого породила Польша [Папы Иоанна Павла II]; поляка, который стал гражданином мира и останется в памяти всех людей независимо от их национальности, вероисповедания и т.п.; человека, который поставил перед собой цель объединять мир, а не разделять его, и делал для этого все.

Господин президент, позвольте мне выразить вам глубокую благодарность за награды, которые вы сочли уместным вручить моим согражданам, моим соотечественникам, гражданам Российской Федерации. Надеюсь, что все эти награды были вручены не напрасно, что мы заслужили их. История взаимоотношений России и Польши – давняя и странная история. В ней всегда были неурядицы, войны, конфликты, кровь и предательство. Последним из этих предательств был раздел Польши между империалистическими державами – Советским Союзом и Германией, – когда в секретном протоколе было решено ликвидировать Польшу. Предательство повлекло за собой дальнейшие события. Фактически и Катынь, которую мы сегодня вспоминаем, – плод этого предательства, как и уничтожение многих-многих миллионов людей во время прошлой войны. Нет уже в живых убийц, которые могли бы понести наказание за преступления, совершенные в Катыни и в других местах. Означает ли это, что мы имеем моральное право освободиться от ответственности хотя бы за то, что мы так неуступчиво, долго, лишь отчасти и медленно признаём факты, которые несомненно таковыми являются? Ведь это исторические факты. Почему мы так хорошо помним и даже приукрашиваем наш героизм, но память отказывает нам, когда мы не хотим признаваться в преступлениях и предательстве? Я убежден, что правда – единственный путь к взаимопониманию между людьми независимо от того, насколько этот путь будет трудным. Даже если он будет неудобным или страшным – все равно это правда. Ведь самую страшную правду легче принять и простить, чем ложь. Несмотря ни на что я уверен: независимо от чередующихся периодов охлаждения и потепления, единственный стержень, хребет, который приведет наши страны к хорошим взаимоотношениям, – это говорить друг другу правду и никогда больше не предавать друг друга, как это случилось в прошлом. Спасибо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ФЕДЕРАЦИИ КАТЫНСКИХ СЕМЕЙ СТАНИСЛАВ ЯНКОВСКИЙ:

От имени Федерации катынских семей, от имени всех, кому дорого слово "Катынь", – спасибо. Спасибо за оказание нам высокой чести, хотя мы – всего лишь небольшая группа людей, которые уже несколько десятков лет говорят об этом преступлении, добиваются правды и выступают против подлога. Так было 62 года тому назад, когда поляки впервые узнали о катынском преступлении и сразу же начали протестовать. Здесь, в этом зале, я напому великие имена [польских писателей, первых свидетелей вскрытия катынских могил] Юзефа Мацкевича и Фердинанда Гётля – людей, протестовавших всю свою жизнь: в публикациях, речах, показаниях, которые они давали, например, комиссиям в США.

Я напому также факт, о котором до сих пор никто не вспоминал. 15 лет назад, в апреле, я открывал в Москве первую выставку фотографий, посвященных катынскому преступлению. Это было через несколько дней после того, как информационные агентства сообщили, что ответственность за преступление несет НКВД. 15 лет назад я волновался больше, чем сегодня, – потому что Москва, потому что в километре от Кремля я говорил о Катыни, а на выставке висели фотографии, подготовленные в Кракове "Катынскими семьями". Тогда вся польская делегация очень гордилась тем, что мы можем представить эти фотографии. Чтобы не навлечь на нас неприятности, когда мы ехали в Советский Союз, фотографии эти провез через границу Александр Гурьянов. Все мы очень гордимся тем, что можем принять награды в присутствии наших друзей из России и Украины, благодаря которым мир будет помнить об этом преступлении, а не только о наших словах.

Юлия Хартвиг

ЛЕБЕДЬ

Проходили недели

а лебедь все еще не хотел спускаться
на воду

Держась порыжевшего газона

Покинутый пруд лишенный
правителя и великолепия

голым казался хотя на него раз за
разом садились

осмелевшие в междуцарствие
дикие утки

Но день наступил когда милость
снизошла на него

и он вновь на воде появился

как победная белая галера

скользящая по сверкающим
отраженьям деревьев и облаков

Он будет теперь плыть и плыть

и никакая плотина не будет ему
преградой

ВЕТКА

Моих сил всегда хватало на то, что я хотел или должен был сделать. Если я откатывал камень, чтобы поглядеть, что под ним, если залезал на высокое дерево, чтобы дальше видеть, если рубил дрова, сталкивал в воду застрявшую на мели тяжелую лодку, таскал мешки с цементом, толкал тачку с камнями — я всегда с этим справлялся. Казалось, мир был сотворен по меркам моих возможностей — или я по меркам своих задач. Разумеется, я был слишком слаб, чтобы переносить горы и выкорчевывать дубы, но этого мне и не требовалось. Когда здорово наработаешься, натаскаешься, намашешься топором, чувствуешь себя таким усталым, будто тебя побили, и валишься на кровать, бессильный и вялый, как мешок с песком. Но на следующий день, выспавшись, ты снова способен толкать, таскать и рубить. Силы у меня не только восстанавливались, но их словно бы прибывало. Камень, который три дня назад я не мог даже сдвинуть с места, сегодня удалось отвалить. Правда, пришлось изрядно напрячься, и были даже минуты, когда, обливаясь потом, я чувствовал, что мышцы мои немеют и вот-вот начнут одна за другой отказывать, покинут меня, одинокого и беззащитного, и я буду вынужден сдаться. Но оказалось, что у меня есть запас свежих сил, не иссякших, поскольку пока еще не участвовавших в схватке. Я их призвал, а возможно, они сами, видя мое отчаянное положение, поспешили на помощь — и в мои одрябшие от усталости мышцы вселился новый дух. Громадный камень дрогнул, начал крениться, клониться набок и наконец рухнул, аж застонала земля. Покоренный мною гигант лежал теперь на спине, по его белому брюху ползали муравьи, с островка черной мокрой земли разбегались зеленые жуки, а розовые дождевые черви торопливо втягивали свои голые тела в глубь норок. Я тяжело дышал, нечеловечески уставший, измученный схваткой, но я вышел из нее победителем. Даже огромное солнце вынуждено было признать мой триумф. Выйдя из-за туч, оно осветило поле битвы. Когда я огляделся вокруг, все показалось мне по-праздничному прибранным, чистым, свежим, зеленым. Это была прекрасная минута. На моем веку выпадали и другие такие минуты; иногда я бывал при этом один, но случалось, за моей борьбой и победой наблюдали другие люди.

«Бывал, случалось»? Значит, все уже сгинуло без следа? Вздор. То, что я пережил, со мной. А если я теперь не отваливаю камни, не рублю дрова и не берусь за иные подобные — и, казалось бы, непосильные — дела, то исключительно потому, что меня это больше не забавляет. Я о другом думаю, другими вещами занят. Иногда я прерываю работу, чтобы выйти из дома или даже уехать за границу, а иногда только для того, чтобы посмотреть из окна на стоящие напротив дома. В одном из них я еще недавно видел младенца в коляске, который казался мне странным и неестественным. Он как-то напряженно, механически двигал ручками и плакал, как заводная кукла. А однажды на этом же месте я увидел стоящую у окна девочку. Уже лет десяти, наверное. В цветастом платице, с голубыми бантами в косичках. Девочка держала в руках книжку и медленно, страница за страницей, ее перелистывала.

Однажды я заболел, а поправившись спустя много месяцев, был слабый как муха. Такой слабый, что сам удивлялся, как еще меня ноги носят. Но настал день, когда ко мне вернулись силы. Я почувствовал, что могу ходить без труда. Мышцы ног, как и прежде, несли мое тело без усилий, так легко, будто оно ничего не весило. Поворачивали его, наклоняли, выпрямляли. Поднимали по лестнице и бережно спускали вниз. И мышцы рук выполняли все, что положено, вполне удовлетворительно. Мои пальцы уверенно брали предметы, переносили их с места на место на такое расстояние, на какое нужно было перенести. Производили и более сложные манипуляции: что-то хватали, переворачивали, разбирали на части и снова складывали. В равной мере крепко и осторожно держали перышко и молоток. Моим рукам были подвластны даже движения, не столь уж и необходимые для жизни: жесты в воздухе, обозначающие отрицание или подтверждение, описывающие какие-то контуры. Короче, ко мне полностью вернулись здоровье и силы, хотя еще недавно, во время болезни, я был уверен, что не только лишился сил, но хуже того: на их возвращение нет никакой надежды. Теперь я вновь был силен и ловок и мог потягаться с миром. Я начал совершать всё более далекие путешествия и взваливать на спину всё более тяжелые грузы; мышцам моих ног приходилось нести не только меня, но еще и то, что было у меня на спине. Я впрягал свои руки в весла, которые загребали воду и толкали лодку по быстрине и мелководью, через заросли камыша и узкие протоки, — куда только мне хотелось. Если нужно было, я снова таскал ведра с водой, корзины с мусором и сумки с картошкой. Снова все, на что я замахивался, казалось, было мне по силам. Я отлично

управлялся с миром. Возникло ощущение, что я властвую над ним.

Но как-то раз со мной произошла такая неприятность, что о ней, собственно, не следовало бы и говорить. И если я это делаю, то лишь потому, что случившееся не только меня огорчило, но еще и удивило. Пожалуй даже, скорее удивило, чем огорчило, и потому я об этом рассказываю. Кроме того, дело было довольно давно. Итак, однажды я с друзьями отправился на машине по грибы. Приехав на место, мы быстро разошлись в разные стороны, договорившись встретиться через два часа там, где оставили машину. Известно, что можно быть богатым и знаменитым, можно иметь лимузины и виллы и тем не менее всегда мечтать быть человеком, который собирает больше всех грибов. И уж особенно, если у тебя нет ни вилл, ни автомобилей. Так вот, мы расстались, я пошел лесом довольно круто вверх, туда, где в прошлом году набрал много грибов. Однако сейчас я не нашел ни единого. Вообще никаких грибов не было — ни плохих, ни хороших. К счастью, я вспомнил чей-то совет (возможно, отец меня учил, не помню): в дождливое лето бессмысленно искать грибы на крутых склонах — стекающая сверху вода вымывает из земли грибницы, и грибам неоткуда вырастать. И я пошел в другую сторону, в незнакомое место, куда никогда не ходил. Вокруг был лес, растущий довольно высоко, но на ровной поверхности, смешанный, то редкий, то густой, одичалый и тихий, — такие леса иногда встречаются над обрывом. Там, где деревья стояли тесно, царил полумрак, на полянках было ослепительно светло. Я то щурился из-за избытка света, то напрягал зрение, чтобы разглядеть, нет ли чего на земле в двух шагах от меня. Несмотря на плохую видимость, я все же начал находить грибы. Поначалу не бог весть какие, на полянках около берез подберезовики, а возле осин — подосиновики. Но вскоре я увидел среди дубов и сосен первый белый. Он был столь прекрасен, сколь прекрасным бывает то, о чем мы мечтаем, чего ждем, что нам чуть ли не мерещится, но уверенности в том, что нам это будет дано, нет. И сразу же, сделав три или четыре шага, я обнаружил второй белый. Потом лес словно опустел, и я долго не мог ничего найти. Долго, но не настолько, чтобы потерять надежду и прекратить поиски. Наконец, под старыми елками, в густых зарослях, которые я раздвинул ботинком, мне попалась целая колония молоденьких боровичков. Шляпки у них были еще бледные, как непропеченные булочки. В двух шагах, на открытом пространстве, в редкой и низкой траве под дубом, я увидел отца или, скорее, деда этой компании: толстопузого старца в огромной темно-коричневой, чуть сдвинутой набекрень

шляпе. Видимый издалека, но никем не замеченный, он дожил здесь до чудесной глубокой старости.

Человек, наблюдающий за мной из укрытия, мог бы сказать, что я веду себя, как вышедший на охоту молодой зверь, который куда-то бежит, поворачивает назад, петляет, на минутку задерживается то там, то сям и снова припускает бегом, приостанавливается, ускоряет шаг, озирается, что-то вынюхивает. Поиск грибов — игра и охота одновременно. Активное, беспокойное ожидание, которое протекает в движении и которому всегда сопутствуют опасения и надежда. Страх — как бы чего не проглядеть — и неизменный безосновательный расчет на то, что обязательно что-нибудь на глаза попадет. И еще: не существует двух похожих мест. Все непрестанно меняется: даже если мы сделали лишь полшага, все, что нас окружало, передвинулось и перемешалось, как карты в перетасованной колоде. Вот гриб, который я прозевал минуту назад, когда он еще был виден и я мог его заметить, — а сейчас его заслоняет пень, ветка, поросшая травой кочка, и я уже никогда его не увижу. А те грибы, которые еще далеко от меня, — увижу я их, не проморгаю ли? В таком состоянии, обреченный на бесконечные ошибки, неожиданности и злые шутки, которые играли со мной мои собственные органы чувств и окружающий мир, я бродил по лесу довольно долго. Усталости я не ощущал. Корзина моя уже была полна грибов. Их было столько, что некоторые вываливались на землю. Я поднимал их и запихивал обратно в корзину.

То, что я рассказал о сборе грибов, не имеет никакого или почти никакого отношения к тому, что случилось позже и что, собственно, является главной темой. Охоту за грибами я описал, пожалуй, лишь потому, что она этому предшествовала. А может быть, по другим причинам? Например: чтобы оттянуть то неприятное событие, о котором мне еще предстоит рассказать. Не знаю. Впрочем, неважно. Так вот, когда я в какой-то момент посмотрел на часы (я уже смотрел несколько раз раньше, но тогда у меня еще было достаточно много времени), оказалось, что до условленной встречи осталось всего двадцать минут.

Не думайте, что речь пойдет о том, как я заблудился. Иногда, конечно, со мной такое случается — в горах среди скал или в чужом городе, но в лесу — никогда. Ибо я знаю, что в лесу легко потерять ориентацию, и потому, едва очутившись среди деревьев, немедленно включаю свое собственное устройство, позволяющее определять направление. Это автомат, находящийся внутри моего тела, где-то на высоте желудка, и

действующий наподобие судового компаса. Я могу петлять, кружить, выписывать кренделя, идти вперед и возвращаться — стрелка всегда будет указывать мне верное направление. Я ощущаю легкие прикосновения к коже — то на левом предплечье, то на правом, то на груди, то на спине — и знаю, куда идти. Устройство действует четко и безошибочно. Достаточно запустить его, и можно перестать о нем думать. И не только можно, а даже нужно, поскольку прибор безотказный и не терпит, чтобы сомневались в его надежности. Вот и сейчас, например: отчетливо почувствовав прикосновение указующего перста где-то в области левой лопатки, я сделал пол-оборота и зашагал вперед. Нисколько не раздумывая, я знал, что двигаюсь к цели кратчайшим путем. И потому шел напрямик, следуя указаниям своего автомата. Его сигналы я ощущал на груди, примерно на уровне диафрагмы. Краем глаза то слева, то справа я видел деревья и кусты, мимо которых раньше уже проходил, но теперь они были по другую от меня сторону. Шел я уверенно — ведь мой внутренний прибор действовал безупречно. Он был надежнее компаса, мне не требовалось ничего пересчитывать, устройство давало готовый азимут.

Я был уже, вероятно, недалеко от ручья и шоссе, поскольку в какой-то момент услышал шум мотора, а лицо мне обвеял прохладный ветерок, прилетевший из сырого оврага. Но впереди был еще трудный отрезок пути. Лес становился гуще и, как это часто бывает вблизи шоссе, все более диким. Кусты орешника и боярышника, молодые сосны, дубки и даже акации, остановленные при попытке перейти бетонку, пятились, ветвились, клонились к земле, срастались, образуя преграду почище живой изгороди. Я огибал заросли акации и боярышника, выискивал проходы между переплетающимися ветвями дубов, сосенок и орешника. Я уже видел маячащую среди деревьев прямую и гладкую ленту шоссе, когда вдруг на моем пути выросла эта ветка. Она загораживала мне дорогу, она росла наискось, я не мог ни перешагнуть ее, ни пройти под ней — разве что проползти. И обойти ее я не мог, так как слева и справа высилась стена колючего боярышника, понизу густо оплетенная ежевикой, шипы у которой, как известно, кривые, точно рыболовные крючки, и острые, как иголки. Схватив ветку рукой, я стал ее отгибать. Она была гибкой и поначалу особо не сопротивлялась. Но, как оказалось, я недооценил ее возможности; чем сильнее я тянул, тем больший встречал отпор. Я поскользнулся на мокрых листьях, корзина выскочила у меня из руки, грибы рассыпались. Я упал на одно колено. По дороге проехала машина, потом послышался глухой стук лошадиных копыт по асфальту. Я подобрал грибы — несколько штук, сломавшихся и искрошившихся, пришлось выбросить.

Корзинку я просунул под веткой на другую сторону. Конечно, я мог обойти препятствие, но, во-первых, обходить было довольно далеко, а я уже опаздывал, и кроме того меня, что называется, заело. Собравшись с силами, я ухватился за ветку обеими руками и начал медленно отгибать ее по наклонной вверх. Две руки — это вам не одна! А тут еще и мышцы всего тела прибавляли силы рукам и оказывали солидную поддержку ногам. К тому же я знал, что у моих мышц имеется запас сил на случай, если схватка затянется. Я уже был близок к победе, от нее меня отделяло лишь несколько сантиметров, когда я почувствовал, что руки мои слабеют, а сопротивление ветки растет. Но ведь у меня еще были резервы сил! И я послал их в бой. Руки начали дрожать, но и ветка тоже дрожала. Она тоже была живая, она боролась, а близость поражения заставила ее мобилизовать последние остатки сил. Я поднатужился, уперся ногами в землю и... почувствовал, что ничего больше не могу сделать. Наши силы сравнялись. Но я еще мог обороняться (я чувствовал, что мне это удастся), а потом неожиданно перейти в наступление. Однако в следующий момент мои руки ощутили яростный натиск, за которым последовала атака существа, превосходящего меня силой. Нет, мне не нанесли удар исподтишка — ведь это был честный бой, — но я не сумел отразить атаку. Мои силы внезапно иссякли, оставили меня, ни одна мышца более не способна была сопротивляться. Ветка, разогнувшись, швырнула меня на землю. Да и не ветка, собственно, а какая-то могучая и жестокая тварь, напрягши свою конечность, грубо меня отпихнула. Я сказал «тварь»? О нет, похоже, против меня объединились все препятствия, все силы, какие я когда-либо в жизни одолевал, — и, сплотившись, коварно заманили меня в ловушку, чтобы наконец-то до меня добраться и отомстить за свои поражения. Я почувствовал во рту горький и острый вкус, будто растер зубами свежий листок мать-и-мачехи. А ведь победа была так близко — мне совсем чуточку не хватило сил. Близко-то близко, но что с того? Учитывается только конечный результат!

Я был побежден, унижен и даже осмеян — к счастью, единственным свидетелем своего позора стал я сам. Издалека слышалось шлепанье копыт по асфальту и скрип телеги. Где-то за спиной, на высоком дереве, монотонно кричал зяблик. Я встал, стряхнул землю с одежды и поднял свалившуюся с головы кепку. Потом обогнул заросли и вернулся за корзиной с грибами. Нагнувшись, чтобы ее поднять, я увидел в просвет между листьями и ветками, как через приоткрытое окно, то место на другой стороне. Трава там была примята, земля истоптана и изрыта. Казалось, тут недавно кого-то убили, а потом труп протащили по земле, чтобы закопать где-нибудь в

сторонке. Зрелище и вправду впечатляло, но я испытывал странное, дурацкое чувство, что все случившееся совершенно меня не касается. Открывшаяся мне картина походила скорее на полицейское фото, резкое и отчетливое — глядя на такой снимок, понимаешь, что именно на этом месте был кто-то убит. Только и всего.

Выйдя на шоссе, я увидел в сотне шагов от себя нашу машину. Друзья уже меня ждали, но, похоже, были заняты приготовлением завтрака: я разглядел, что они достают из багажника разноцветные термосы и белые кружки, громко переговариваясь; кто-то рассмеялся. Я еще на минутку задержался возле ручья. Вымыл чистой холодной водой лицо и руки. Вытерся носовым платком и не спеша направился к машине. Кто-то меня заметил, все повернули головы, но смотрели почему-то не на грибы, которые я нес, а на мое лицо. Уставились так, точно впервые в жизни меня увидели или уже не надеялись, что я вернусь, — смешно: как будто прошло не два часа, а двадцать лет. Я вытянул вперед руку с корзинкой, чтобы они могли получше разглядеть грибы и выразить свое восхищение. А еще этот жест должен был обозначать извинение и оправдание за пять или десять минут опоздания.

МАСТЕР РАССКАЗА

Корнель Филипович (1913–1990) наряду со своим ровесником Яном Юзефом Щепанским и принадлежащим к следующему поколению Мареком Новаковским — один из мастеров короткого рассказа, не имеющего в польской литературе прочных традиций. Дебютировал он после войны сборником «Совершенный пейзаж» (1947). Как и большинство писателей того поколения, свои первые литературные произведения Филипович посвятил военному опыту, особенно связанной с ним моральной проблематике и угрозе дегуманизации. Этот мотив возвращался и в более поздних сочинениях писателя — взять хотя бы новеллу «Сад господина Нитшке» (1965).

В творчестве Филиповича поражает способность представлять экзистенцию (в том числе в ее повседневном аспекте) как сферу непрестанно совершающегося выбора. Он, несомненно, моралист и, подобно Щепанскому, ученик Джозефа Конрада, чья проза, по многочисленным свидетельствам, была точкой отсчета для всего военного поколения. Однако автор превосходного «Дневника антигероя» (1961) избегает простых и всеобъясняющих суждений — его моралистика рождается в атмосфере недосказанности, пауз, намеков, перескоков от одной мысли к другой. Додумывать всегда должен читатель, хотя с виду повествование необычайно прозрачно и основательно.

Филипович по-своему старомоден. Ему чужд литературный эксперимент: он полагается на формулу «реализма», на достоверность переживаний и опыта. Язык его рассказов, приобретающих ранг притч, необычайно лаконичен, сведен к необходимому минимуму. В нем нет украшений и орнаментальности. Писательство Филиповича подчинено прежде всего взаимопониманию с читателем, поискам правды о мире и человеке, который своей жизнью должен совладать с этим миром и с самим собой. Но, парадоксально, эта суровость и лаконичность повествования порождает ироническую отстраненность, вызывая ощущение неоднозначности описываемой действительности и тем самым открывая простор метафизическим переживаниям.

До боли знакомая повседневность преображается, а неспешное и основательное повествование склоняет к сосредоточенности и раздумью. Проза Филиповича — нечто вроде палимпсеста, на

котором записаны накладывающиеся друг на друга человеческие судьбы. Вырастая из конкретного, она в то же время обращена к трансцендентному. Именно благодаря этому можно сказать, что за горизонтом писательства Филиповича (который на склоне лет, в 1984 г., вернулся к поэзии, опубликовав отличный сборник «Скажи это слово») лежит Книга.

В заключение стоит упомянуть, что в творческом наследии этого писателя можно найти написанные совместно с Тадеушем Ружевичем киносценарии — в частности, таких картин, как «Место на земле» или «Голос с того света».

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Как часто повторяет Ежи Помяновский, писатели после смерти попадают в чистилище: разговоры об их произведениях умолкают, читать их перестают. И все-таки некоторые возвращаются к нам, и, бывает, по прошествии лет замалчивания их начинают читать и воспринимать заново. Причин, по которым они возвращаются, много. Одна из причин, по которой возвращается Ярослав Ивашкевич, – публикация отрывков из его дневника. Сейчас, через 25 лет после смерти писателя, постепенно забывают о его жизненных и политических слабостях, важным же становится голос человека, свидетеля эпохи и большого писателя, которому вдобавок довелось дебютировать в созвездии той плеяды ("Такой плеяды не было вовеки" – Ч.Милош, пер. Н.Горбаневской), какой была после 1918 г. группа скамандритов. Родившийся в 1894 г. поэт, прозаик и эссеист (а в свое время и начинающий композитор, друживший с Шимановским), возможно, наконец вернется и займет свое прочное место. Об этом свидетельствуют высказывания его младших товарищей по перу, опубликованные недавно к годовщине смерти Ярослава.

Особого внимания заслуживает – помимо блока материалов, напечатанных в журнале "Творчество" (2005, №2-3), главным редактором которого писатель был много лет, – цикл высказываний "Мой Ивашкевич", опубликованных в "Тыгоднике повшехном" (2005, №10), и фельетон Ежи Пильха в "Политике" (2005, №9).

Юлия Хартвиг сосредотачивается на вопросе "отсутствия" автора "Карты погоды":

"Меня глубоко взволновали отрывки из дневника Ивашкевича (...). Там я нашла такое признание: „Самое худшее в моей жизни – особенно в старости – то, что мне не с кем померяться. Я, несомненно, фигура по мерке самая большая. Но вырос я, как огромный гриб, прикрытый маленькой банкой. Отсюда и все деформации. Вместо прекрасного большого гриба склянка наполнена белой массой. (...) Почему мне считать свою индивидуальность растраченной? Потому что для меня нет ничего действительно важного. (...) Попросту внутренняя

пустота меня растратила. Какое-то отсутствие силы (нравственной?), какое-то отсутствие совершенства (внутреннего?) – как трещины на хрустале моих произведений. Как в день юбилея, так и сегодня я испытываю жалкое чувство, будто ничего не написал". Молчание, которое сегодня окружает творчество Ивашкевича, могло бы подтвердить этот вывод. Его нельзя поставить ни рядом с Виткацием, ни рядом с Гомбровичем. Захватывающая революционность их прозы овладела умами критиков и читателей художественной литературы. Что же до Ивашкевича, то мы имеем дело с продолжателем европейской традиции прозы, а в поэзии он родом из модернизма: близок Тадеушу Мицинскому и Стефану Георге и в то же время сохраняет свою собственную, узнаваемую ноту. (...) Разве может современный поэт подражать стихам Ивашкевича или быть его „продолжателем"? Тем не менее Ивашкевич продолжает волновать. И не кто иной, как Милош, представитель „второго авангарда", не расположенного к „Скамандру", будучи молодым, отправился в Ставиское, чтобы выразить свое почтение поэту".

Что важно, тот же самый Милош много лет спустя, незадолго до смерти, составил замечательные "Избранные стихотворения" Ивашкевича и снабдил сборник своим предисловием, высоко оценивая его поэзию. Далее Хартвиг пишет:

"Если его имя не было предано забвению на протяжении тех 25 лет, что прошли после его смерти, то это произошло также благодаря двум замечательным фильмам Вайды – „Барышням из Вилько" и „Березняку"".

На "кинопроизводные" прозы Ивашкевича обращает внимание и Изабелла Цивинская:

"Я помню ивашкевичевские картины, звуки, запахи так, словно запомнила их из своей жизни. Незванные, они возвращаются невольно, в какой-то момент ассоциируясь с пейзажем или человеком. В прошлом я собиралась поставить в Театре Телевидения три его рассказа. Начинала делать инсценировку (...). В конце концов, ни одного из этих замыслов я не осуществила, но теперь, по прошествии лет, хотя ни один образ не был записан, не было ни одной съемки, не раздавалась хлопушка на съемочной площадке, я думаю о них как о завершенных фильмах. (...) Это происходит, потому что еще при чтении этих рассказов сценарий, обычно необходимый как этап съемки фильма, в этом случае казался нужным лишь в качестве технической помощи. Теперь я заканчиваю фильм по „Любовникам из Мароны", одному из поздних рассказов

Ивашкевича. Впервые в моем романе с этим писателем слова оживут, любовь исполнится, соцветие аира рассыплется на ветру тысячей семян. Сколько в этом будет от нас, снимающих этот фильм, а сколько от пана Ярослава, виновника всему, ибо он этот фильм написал своей жизнью („Дневник“) и ее творением в рассказе?"

Интересно о писательстве Ивашкевича говорит политолог и историк идей Мартин Круль:

"У Ивашкевича меня больше всего восхищает своего рода демонический пантеизм. В очень многих стихах – может, даже в слишком многих; я мечтаю, чтобы кто-нибудь поручил мне отобрать сто его лучших стихотворений, тогда было бы видно, каким выдающимся он был поэтом, – да и в прозе так называемая любовь к природе приобретает крайний и невероятно искушающий вид. Природа Ивашкевича вездесуща, и мы в нее полностью погружены. Природа здорова, люди же больны, слабы, впадают в безумие. Природа льнет к человеку, но где-то позади, за лесом, на плотине, в березняке, над лугами, затаился дьявол красоты. Природа в произведениях Ивашкевича – активная участница событий, ее описания никогда не становятся фоном, скорее они – суть, а человек – фон. Из известных мне писателей только Бунин был способен так мыслить и показать, как мы малы и ничтожны, когда нас окружает темный лес, застает гроза или затягивает болото. Такого Ивашкевича следовало бы преподавать в школах – может, тогда удалось бы подорвать представление о банальности природы".

На эти слова стоит обратить внимание как раз в контексте школьного преподавания литературы, где чтение и анализ "описаний природы" остаются одним из самых жутких кошмаров, ужасающих молодежь и отталкивающих ее от литературы.

Еще иное представление об авторе "Славы и хвалы" у Петра Мицнера, который много лет занимается Ивашкевичем – в частности, написал работу "На пороге. Религиозный опыт в текстах Ярослава Ивашкевича" (кстати, интересная глава этой работы посвящена отношению писателя к православию):

"Мой Ивашкевич? Что это значит? Если бы я мог ясно определить, кто он для меня как человек и как я читаю его тексты, наверное, я перестал бы им заниматься. А я не перестаю. Возвращаюсь к его книгам, рукописям. Пытаюсь его понять, раз он это позволил, оставив так много: напечатанные вещи, письма, дневники, различные записи. В них есть

искренность и неискренность, есть он сам со склонностью к греху и жаждой святости, алчностью и одержимостью небытием. Он тот, кто ощущает связь со всем живущим миром – и не способен найти с ним взаимопонимание. Великий эгоцентрик с невероятно запутанной душой. И в то же время тот, для кого европейские традиции (западные и восточные) – очевидность, в рамках которой живешь испокон веку. Поэтому в хаосе перемен стоит обращаться к Ивашкевичу, например к стихам из сборника „Возвращение в Европу" и к „Книге моих воспоминаний", в которой есть запах земли и образ культуры, создаваемой на протяжении многих поколений, а также описание возрастания и вранья в мир".

Действительно, в писательстве Ивашкевича есть клубок противоречий, но и стремление разрешить их, предчувствие бездны, которая манит человека, и мощь противостояния "роковой силе". Таков Ивашкевич – с одной стороны, переводчик Кьеркегора, а с другой – автор до сих пор недооцененного рассказа "Взлет", полемики с "Падением" Альбера Камю, и, наконец, поэт, который, отталкиваясь от "Скифов" Блока, завершает свою поэму "Азиаты" спокойным вопросом: "Так неужели только тогда и будем богаты / Знаньем – узнав, европейцы мы или все-таки азиаты?" (пер. А.Базилевского). Эта отстраненность Ивашкевича вырастает, в частности, из того, что он принимает широкую, удаленную от злободневности историческую точку зрения. Пожалуй, это и позволяет ему обладать свободой повествования, которой так восхищается Ольга Токарчук, писательница, принадлежащая к самым популярным прозаикам поколения, постепенно уже становящегося средним:

"Если предположить, что у всякой прозы есть своя тайна, то такая тайна в рассказах Ивашкевича – это тонкое ощущение трагизма в заурядной повседневности. Мир малых городков, провинциальных усадеб, мест на расстоянии ночи езды по железной дороге всегда покоится на чем-то мрачном, неизбежном, несказуемом, трагическом. Его герои, хоть и живут в этой повседневности, напоминают зрителей в музее. От собственной жизни, от самих себя их отделяет тревожная дистанция. Они бессознательно добиваются посвящения. (...) Две сферы человеческого опыта, неотделимые друг от друга, но драматически разделенные, красота и распад, молодость и смерть, – вот средство ивашкевичевской вселенной, квинтэссенция его писательства. (...) Ивашкевич наверное обладал каким-то врожденным повествовательным инстинктом, талантом творения действительности, которая с первого предложения аннексирует читателя. Сегодня, многие

годы спустя, открывается еще одно достоинство этих рассказов – чувственное описание мира, людей, их нравов, все эти детали и подробности полувековой давности. Для современного читателя эта черта становится доказательством непрерывности мира, которую, на мой взгляд, удастся сохранить только благодаря литературе".

Изыщным комментарием к чтению "Дневника" Ивашкевича стал фельетон Ежи Пильха в "Политике", озаглавленный "Пес, у которого были глаза Грыдзевского" (Мечислав Грыдзевский – что стоит запомнить! – был редактором довоенного еженедельника "Вядомости литерацке", органа скамандритов). Пильх пишет:

"По мере чтения очередных отрывков все виднее, что „Дневник" Ярослава Ивашкевича – это записная книжка страдания, запись всяческих страданий, всегда трогательных и тем самым всегда глубоко личных и стыдливых. Конечно, автор „Березняка" – особенно насчет своей жалкой литературной судьбы – слегка преувеличивает. Как только он начинает сетовать на окружающий его заговор молчания и всеобщее непризнание его литературных заслуг – то доходит до истерики".

Комментируя выдвигаемые упреки в том, что Ивашкевич занимается "маловажными деталями собственной жизни", Пильх обращает внимание на их безосновательность:

"В конце концов каждый писатель „рассказывает маловажные детали собственной жизни" – дело в том, как он сумеет сделать их общими, скольких читателей захватит своей субъективной детальностью, сколько из них с его повестью себя отождествят. Ивашкевич писал о своем Риме, потому что чувствовал там себя как дома, итальянские древности и магазины он знал как свои пять пальцев и благодаря этой глубоко личной точке зрения написал ослепительную книгу. Он уже тогда был европейцем, и не по той причине, что коммунисты давали ему за коллаборационизм заграничный паспорт, но в силу образования, знания языков и абсолютного слуха к искусству. Быть может, его „европеизм" ослаблял его бдительность к коммунизму (...). Впрочем, сегодня необходимо добавить, что даже если знание коммунизма интеллектуально или эстетически разрушало, то в его кругах знание это было весьма глубоким, а о путанице в элементарных вещах не могло быть и речи".

Комментируя позицию Ивашкевича, Пильх подчеркивает:

"По-настоящему язвительным Ивашкевич, пожалуй, быть не умел или бывал редко; по-настоящему трогательным он был, когда записывал (маловажную деталь жизни) смерть любимого пса Тропека: „Он умер сравнительно спокойно. Сердце было изношено, и поджелудочная железа повреждена – поэтому он в последнее время не любил ходить со мной гулять и, наверное, болел диабетом. Мы попросту пренебрегли его здоровьем. Не могу себе этого простить. В Стависком теперь совсем ужасно – он один представлял чуточку жизни, радости, я бы сказал молодости, хоть он и был старый. Мигдалек старается заменить Тропека, но Мигдал – просто собака, а Тропек не был собакой, был моим единственным, последним другом. Недаром у него были глаза Грыдзевского"".

Фельетон заканчивается замечанием, касающимся издания дневника Ивашкевича:

"Тадеуш Комендант, готовящий тексты к печати, пишет, что отказывается от примечаний, чтобы не отнимать хлеб у других, и не комментирует ни заглавия, ни имена – кто знает, тот знает. Даже обширные общественные знания не оправдывают такой лени. Кроме того, не о крупном идет речь, а о малом. О крохотном примечании: кем был Грыдзевский? Секретарем обкома? Министром? Вице-премьером? Как его звали? Владислав? Эдвард? Болеслав? Нет, не Болеслав, Болеславом звали Берута, а еще старого Ивашкевича – отца Ярослава, причем у Берута была партийная кличка Томаш".

Пильх играет именами и фамилиями, как будто не осознавая, что огромная часть молодых читателей не знает сегодня, кто такой Берут, и даже не понимает – да и зачем и почему должна понимать, – что означает термин "секретарь обкома". Важно, однако, чтобы молодой читатель знал, кто такой Ярослав Ивашкевич.

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• "Вавель, народу возвращенный" – так называется выставка, открывшаяся в Кракове в сотую годовщину возвращения полякам старинного королевского замка, находившегося в руках австрийских захватчиков. Заняв Краков, австрийцы устроили в Вавеле казармы и окружили его военными госпитальями. На протяжении почти ста лет замок медленно приходил в упадок. В 1905 г. началось постепенное восстановление и реконструкция этого символа былого польского великолепия, замечательного памятника ренессансной архитектуры. О ходе "многоэтапного, сложного и не лишённого конфликтов процесса реставрации замка" можно узнать, посетив выставку, открывающую цикл мероприятий, которые продлятся до осени.

• 21 февраля впервые отмечался установленный ЮНЕСКО Международный день родного языка. Этот день должен "популяризировать родные языки, в которых заключены, заложены разнородность и богатство духовной культуры каждого народа", – сказал языковед Анджей Марковский, председатель Совета польского языка при Президиуме ПАН. Проф. Марковский сказал также, что, по его мнению, представляет главную опасность – и не только для языка: "По-моему, хуже всего дело обстоит с тем, что называют категорией сообразности. Речь идет о способности подбирать выразительные средства в зависимости от темы, места, собеседника или жанра высказывания (...) Корректность – это лишь один вопрос, но помимо нее культуру языка составляют также владение языком, эстетика и этика слова (...) Я не думаю, что польская речь вырождается. Скорее определенные группы – люди, занимающие высокое положение, высказывающиеся публично, – все хуже владеют языком".

• На протяжении 40 недель каждый вторник в качестве приложения к "Газете выборчей" поляки могли купить книгу из цикла, названного его инициаторами "Коллекция литературы XX века". Идея, воспринятая поначалу с некоторым недоверием, в конце концов снискала всеобщее признание. "Для многих молодых людей коллекция стала шансом создать за небольшие деньги основу домашней библиотеки, – пишет

Анджей Ростоцкий из "Тыгодника повшехного". – Похоже, что идею „Газеты" по заслугам оценили те, для кого книга еще не стала любовью их жизни. Быть может, я слишком большой оптимист, но теперь я верю в такое зарождающееся чувство". Между тем в Интернете появилось множество высказываний на эту тему, одно из которых мне хотелось бы привести: "До сих пор я пользовалась главным образом библиотеками. Теперь у меня есть возможность держать книги дома (цена) и возвращаться к ним, когда захочется. Часть я прочитала, часть наверняка прочту, а до некоторых я еще должна дорасти. Пусть подождут". И в заключение несколько самых популярных книг из коллекции: "Мастер и Маргарита" Булгакова, "Лолита" Набокова, "Жестяной барабан" Грасса, "Прощай, Африка" Карен Бликсен, "На западном фронте без перемен" Ремарка, "Я, Клавдий" Грейвса.

- Труд выдающегося историка польской литературы, профессора Ягеллонского университета Генрика Маркевича и Анджея Романовского под названием "Крылатые слова. Большой словарь польских и иностранных цитат" – это 16 000 словарных единиц на 1200 с лишним страницах. Еще до издания словаря автор говорил о нем: "Главным критерием отбора цитат будет их популярность, функционирование в коллективной памяти (...) Словарь не будет сборником мудрых, полезных или остроумных максим. В него войдут также высказывания глупые, лживые, вредные, вульгарные и абсурдные". Так оно и вышло. Помимо классиков "летучих мыслей" места в словаре удостоились многие современные политики и общественные деятели. Среди польских тон задает, разумеется, Лех Валенса с его "не хочу, но надо", "я за и даже против" или "точка зрения зависит от точки сидения". Из иностранных приведем только цитату из Владимира Жириновского, который на вопрос о своей национальности ответил: "Моя мать русская, а отец – юрист".

- "Польско-еврейская стирка души" – так назвал автобиографическую книгу Агаты Тушинской "Семейная история страха" рецензент Михал Ольшевский. "Эту книгу я вынашивала в себе годами. Как и эту тайну. С того самого момента, как узнала, что я не та, кем себя считала. С того момента, как моя мать решилась сказать мне, что она еврейка", – написала Агата Тушинская. "Сколько людей с подобными судьбами еще живет в Польше? – размышляет рецензент. – Наверное, очень много. Говорят, что до сих пор есть семьи, скрывающие свое еврейское происхождение. Они пытаются забыть о нем, чтобы избежать множества

затруднительных вопросов, чтобы скрыть свой страх. Потому что из признания, думают они, ничего хорошего не выйдет".

- "Сибирь, полная тайн" – так называется альбом, ставший результатом путешествия на корабле по Енисею журналиста Генрика Урбановского и фотографа Зенона Жибуртовича. "Из него можно узнать о дикой сибирской природе, о безумных попытках человека обуздать ее и о том, что из этого вышло, об истории покорения и освоения этого края русскими, о судьбах его первоначальных хозяев и о том, как они сжились с русскими, о ссыльных, поселенцах и исследователях, о национальном и религиозном пробуждении местных народов, о потайных уголках души сибиряков, их легендах и мечтах", – пишет издатель в анонсе альбома.

- "Собрания писем находят в Польше покупателей, так как читатель ассоциирует их с высокой культурой, – говорит книготорговец Чеслав Апетёнек. – Поляки интересуются либо перепиской выдающихся личностей, либо письмами, дополняющими образ какой-либо эпохи. Письма художников, артистов или архитекторов вызывают интерес, если в них есть ссылки на историю – например, межвоенного двадцатилетия или эпохи сталинизма". Это мнение подтверждают недавно изданные собрания писем: поэта Константы Ильдефонса Галчинского ("Привет от Чародея"), писателя Мельхиора Ваньковича ("Кинг и Кролик"), драматурга, писателя и художника Славомира Мрожека ("Письма. 1963–1996") и писателя Витольда Гомбровича ("Гомбрович. Письма к родным"). А до этого были опубликованы целые тома переписки Ежи Гедройца, которая всегда может рассчитывать на читательский интерес.

- На польском рынке появилась последняя (увы, на этот раз по-настоящему последняя) книга Иоанна Павла II "Память и идентичность". Кшиштоф Доброш пишет о ней так: "Это цикл размышлений, посвященных тайне зла и искупления, свободе и ответственности, милосердию Божию, отчизне и народу, истории, Польше, Европе, демократии и ее опасностям, а также миссии Церкви. Размышления Папы просты, легко читаются, но очень нелегки, если принимать их как истины христианской веры (...) Такой опыт должен вырастать из глубоких переживаний. Он выражается в завете, оставленном христианству апостолом Павлом: „Не будь побежден злом, но побеждай зло добром". Этот завет представляет собой глубочайший нерв христианства, красную нить книги и всего учения Иоанна Павла II. Выполнить его невероятно трудно, но как только человеку удастся воплотить его в жизнь, у него

появляется ощущение, что он пробуждается ото сна, протирает глаза и начинает жить по-настоящему".

- В списке бестселлеров на первое место вернулась Иоанна Хмелевская со своим новым детективом "Меня убить". Далее идут уже одни мужчины: Генрик Гринберг ("Беженцы"), Богуслав Волошанский ("Крепость шифров"), Януш Гловацкий ("Из головы") и Рышард Капустинский ("Путешествия с Геродотом"). В категории документальной литературы лидирует волнующая, мудрая книга "Выиграть жизнь" – беседа Петра Мухарского с ведущим телевизионных "Новостей" Камилем Дурчоком. Книга рассказывает о борьбе Дурчока с раком и посвящена памяти его коллеги Мартина Павловского, который в борьбе с болезнью не выжил.

- На задах прошедшей в Познани IV Ярмарки детской и молодежной книги, совмещенной с Образовательной ярмаркой, в этом году уже второй раз была проведена выставка "Познань Гейм-Арена", посвященная разнообразным настольным и компьютерным играм. "Объединение книжной и образовательной ярмарки пошло на пользу обоим мероприятиям, – пишет рецензент. – Если бы организаторам обеих ярмарок удалось договориться с организаторами „Арены", в Познани появилось бы новаторское начинание в масштабе не только Польши, но и всей Центральной Европы".

- "Святые отцы, не давайте бритвы обезьянам", – написал с присущим ему темпераментом Лех Валенса в открытом письме, касающемся весьма сомнительной радиостанции "Мария", прикрывающейся авторитетом монахов-редемптористов, директор которой, о. Тадеуш Рыдзык, считает себя голосом католической Польши. И хотя слова бывшего президента, вероятно, снова вызовут смех, проблема в самом деле очень серьезна. Радиостанция выступает с ксенофобскими, зачастую антисемитскими заявлениями и делает это весьма агрессивно. Валенса пытается убедить польский Епископат (который теоретически должен контролировать радио "Мария") заняться этим вопросом. В своем первом письме он написал: "Отец Рыдзык и вся эта среда, наверное, были подобраны самим дьяволом, чтобы уничтожить веру и Польшу". Церковные власти обещали рассмотреть проблему радио.

- В рамках III Фестиваля польского независимого кино по II программе ТВП шесть дней подряд демонстрировались фильмы, снятые независимыми режиссерами. Фильмы, выбранные для просмотра, рассказывают о нищете, пустоте жизни в блочных микрорайонах, лицемерии и скуке, но в то же

время о процессах взросления молодых людей в сегодняшнем мире.

- Вручены "Орлы" – премии Польской киноакадемии. Все важнейшие премии (за лучший польский фильм, за лучшую режиссуру и зрительская) достались фильму Войцеха Смажовского "Свадьба". Главным конкурентом "Свадьбы" был "Мой Никифор" Кшиштофа Краузе. Премию за творчество в целом получил Ежи Кавалерович. Лучшим европейским фильмом на польских экранах была признана "Девушка с жемчужной сережкой" Питера Вебера.

- На экраны польских кинотеатров вышел фильм Пшемислава Войцешка "Вниз по разноцветному холму". "Мир, представленный Войцешком, с поразительным реализмом утопает в грязи, но есть в нем шанс на очищение от грехов, прощение, – пишет Тадеуш Соболевский. – Сценам драк, ссор и ненависти сопутствуют висящие на стенах и многозначительно экспонируемые святыне образа (...) Поляки так легко топят самих себя в грязи. Войцешек решается на очень смелый шаг: погруженный в привычное болото, он ищет дно, чтобы оттолкнуться от него и выплыть наверх".

- Польский композитор Ян Качмарек получил "Оскара" за музыку к фильму Марка Форстера "Мечтатель". Качмарек дебютировал в театре Ежи Гротовского, потом сотрудничал с другими театрами. С 1989 г. он живет в США и пишет музыку к фильмам. После церемонии вручения премий Ян Качмарек сказал: "Премии нужны как своего рода печать, которая помогает в профессиональной деятельности. Но если после нас что-нибудь останется, так это музыка и люди, которые хотят ее слушать (...) Самым трудным в этом фильме была для меня простота. Поначалу мне было немного не по себе, так как почти все фильмы, к которым я до сих пор писал музыку, были сложными историями межчеловеческих отношений (...) А тут нужно было вытащить на поверхность все то, что осталось во мне от ребенка, не стыдиться простых звуков".

- В 120-ю годовщину со дня рождения Станислава Игнация Виткевича, подписывавшего свои театральные произведения и картины псевдонимом Виткаций, закопанский театр, носящий его имя, организовал смотр спектаклей по его пьесам. В дискуссии о Виткации, прошедшей в Варшаве, приняли участие самые выдающиеся мастера польского театра, в частности Кристиан Люпа и Ежи Яроцкий. Темой дискуссии был "Диалог с Виткацием о человеке постмодернизма". Между тем историки театра продолжают искать полтора десятка утерянных пьес

Виткация, о существовании которых свидетельствуют афиши и рецензии.

- Знаменитый английский драматург и режиссер Питер Брук удостоен звания почетного доктора Познанского университета им. Адама Мицкевича. "Театр должен преодолевать разделяющие нас политические, социальные и религиозные барьеры, – сказал Брук при вручении диплома. – Мир находится в таком плачевном состоянии, что осуждать его ужасы слишком легко. Столь же легко украшать его словами. Сегодня театр должен найти золотую середину".

- В Варшаве на 77-м году жизни трагически погиб художник Здислав Бексинский. Он умер в своей квартире от ножевых ранений, нанесенных бездумными подростками, которые хотели любой ценой раздобыть деньги. "Он разделил публику на два непримиримых лагеря, – пишет Дорота Ярецкая. – Одни видели в его искусстве живое направление философской мысли и красоту „высшей пробы". Другие считали его отшлифованные формы чистым эстетизмом, не более чем схематической маской, за которой не кроется ни экзистенциальное, ни метафизическое свидетельство. Он писал леденящие кровь сцены (...) В техническом смысле он достиг своего рода совершенства. Его выработанная годами стилизация манила блестящими, лессировочно положенными цветами и гладкой, не выдающей следов кисти поверхностью картин (...) Ему импонировала визионерская живопись Бронислава Линке, представляющая человечество осужденным и падшим".

- В варшавской галерее искусств "Захента" открылась обзорная выставка работ Павла Альтамера. Художник считает, что в наши дни галерея как место искусства потеряла смысл. Из связующего звена между искусством и зрителем она превратилась в разделяющий их барьер. "Чтобы разрушить этот барьер, художник пригласил группу молодежи и разрешил ей рисовать на стенах, – пишет Дорота Ярецкая. – Получились оптимистические граффити. Несколько дней раньше он позволил им устроить в „Захенте" концерт. Состоялся поединок двух ди-джеев и двух ментальностей (...) Его искусство выходит за рамки выставочных стандартов. Альтамер проводит акции, призванные улучшить самочувствие общества. На выставке художник представил скульптуры и видеофильмы, в которых он рассказывает о своем мироощущении. Он говорит, что ищет в них контакт с Богом. Как это ни парадоксально, для меня скульптуры, в которых он говорит так мало, – более убедительное доказательство его

сверхъестественных контактов, чем фильмы, в которых он говорит так много".

• Уже почти середина марта, а зима все не уходит. На улицах безраздельно господствует снег. Ободренные этим обстоятельством, за работу взялись доморощенные скульпторы, украшая улицы Варшавы многочисленными снежными фигурами. "Приятеля вытащили меня из общежития, - говорит один из авторов. - Делать было нечего, и мы начали лепить. Почему? Потому что снег лепился". В других местах тоже шла работа. Неподалеку от мечети на ул. Вертничей появилась ее снежная копия, а на Новом Свете - целый блочный микрорайон во дворе бывшего Дворца бракосочетаний. Авторы беспокоит только одно: что же теперь, все это растает? Не остается ничего другого, как делать фотографии. Может, со временем из этого получится какая-нибудь захватывающая художественная инсталляция...

ДЕСЯТЬ ВОПРОСОВ

Часть наших российских коллег-историков и публицистов упорно предпринимает попытки заслонить память о преступлениях советской системы против поляков, создавая их мнимый аналог или даже "оправдание" в виде преступления против советских военнопленных в Польше в 1920 году. Повторим еще раз несколько вопросов, обращенных к этим историкам и публицистам:

1

Можете ли вы указать хоть одно доказательство того, что политическое или военное руководство Польши в 1920 г. сознательно приняло решение об истреблении пленных красноармейцев? Такое, каким было решение политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г., предписывавшее уничтожить 25 700 польских граждан?

2

Можете ли вы указать хоть какие-то улики проведения координированной операции по уничтожению пленных красноармейцев в Польше в 1920 или 1921 гг., которые косвенно свидетельствовали бы о принятии польскими властями такого - не подтверждаемого документами - решения? Убийство 60-80 тысяч военнопленных, в котором вы обвиняете польскую сторону в войне с большевистской Россией, даже организационно не могло быть таким простым делом, чтобы не оставить ряда улик, указывающих на крупное преступление...

3

Можете ли вы опровергнуть численность советских военнопленных - 65 797, - по официальной статистике, признанной как советской, так и польской стороной, вернувшихся в советскую Россию? Можете ли вы опровергнуть факт добровольной записи около 25 тыс. пленных красноармейцев в формировавшиеся в 1920 г. в Польше антибольшевистские воинские части (Булак-Балаховича, Перемыкина, Яковлева, Сальникова, а также Петлюры)? Можете ли вы, наконец, опровергнуть тот факт, что находившиеся среди пленных красноармейцев латыши, венгры и австрийцы в большинстве были репатриированы в Латвию,

Венгрию и Австрию, а не в Россию? Сколько человек из этих групп следует включить в число "уничтоженных поляками", чтобы получить "желательную" сумму не менее 60 тысяч?

4

Неопровержимым и, естественно, отягощающим польскую сторону остается тот факт, что много тысяч пленных красноармейцев (несмотря на ваши усилия, трудно опровергнуть их примерное число, установленное торунским историком Збигневом Карпусом, – 16–18 тысяч) умерли в польском плену – чаще всего от болезней, нередко также от голода и холода. Это наш позор, и вы имеете полное право напоминать нам об этом. Но, будучи добросовестными историками, можете ли вы вспоминать этот факт без его исторического контекста? Почему тогда вы, во-первых, не напомните своим российским читателям, что в те же самые 1919–1920 гг. сотни тысяч красноармейцев умерли от заразных болезней или в силу плохих санитарных и продовольственных условий? В процентах – не меньше, чем красноармейцев в польском плену. Во-вторых, стоило бы вам упомянуть и о том, сколько польских солдат умерло в то же самое время и по тем же самым причинам с польской стороны фронта. Такова была та война: бедная, голодная, "нищенская", происходившая в условиях крупнейшей эпидемиологической катастрофы XX века, прокатившейся по всей Европе после I Мировой войны и погубившей около 20 миллионов человек.

5

Вы вспоминаете казни (убийства) пленных красноармейцев в ходе боев на фронте. Не все они документированы (и заведомо все не будут); главный источник здесь – показания свидетелей, то есть выживших. Принимаете ли вы во внимание также показания других очевидцев – начиная с "Дневника" Исаака Бабея и вплоть до сотен польских свидетельств – о жестоких казнях польских военнопленных, производившихся кавалеристами из Первой конной или солдатами Тухачевского? Хотите ли вы доказать, что с польской стороны таких преступлений было больше – на ближайших тылах фронта? Как вы это докажете?

6

Вспоминая печальный и, несмотря на весь контекст, компрометирующий польскую сторону вопрос о красноармейцах, не переживших польского плена, хотите ли вы напомнить своим российским читателям и о тысячах

польских солдат, не переживших советского плена 1920 года? Напомним: из плена вернулись 26 440 человек, в том числе 418 офицеров – поразительно низкая цифра. А где остальные, еще почти 20 тысяч польских военнопленных? Все ли они выбрали службу новой, советской родине? Как показывают документы, собранные торунскими историками в книге "Победители за колючей проволокой. Польские солдаты в плену (1918–1921)" (Торунь, 1995, на польск. яз.), многие тысячи польских военнопленных были убиты либо умерли вследствие плохих санитарных и продовольственных условий в советских лагерях, таких же условий, которые царили тогда в польских лагерях. Или это лишь польские выдумки?

7

Вы требуете памяти обо всех жертвах польских преступлений против пленных красноармейцев. Такие преступления были (хотя, еще раз подчеркну, несравнимые с запланированным катынским геноцидом), и долг историков, как польских, так и русских, – раскрыть их как можно более точно. И закрепить в памяти. Так же, как и советские преступления против польских военнопленных в 1920 г., которые тоже, разумеется, нельзя сравнивать с катынским преступлением. Но хотите ли вы помнить, что польская сторона в этом "счете обид" может напомнить, изучить и закрепить в памяти еще ряд других крупных и запланированных советских преступлений против польских граждан в XX веке? Может, вам следовало бы, например, спросить, почему российская Главная военная прокуратура не хочет ответить на просьбу польского Института национальной памяти и оказать помощь в расследовании ответственности за смерть от 20 до 50 тысяч (по разным подсчетам) польских заключенных сразу после нападения Германии на СССР, 22–29 июня 1941 года? Придется нам напомнить, что в тюрьмах НКВД, в частности, во Львове, Смоленске, Бориславе, Ровно, Луцке, Ошмянах, Стрые, Бердичеве, Смоленске, Киеве, Харькове, тогда производились массовые казни польских заключенных. Выглядит совершенно невероятным, чтобы это было стихийное решение отдельных начальников всех этих тюрем. Решение о массовом истреблении заключенных (только в двух львовских тюрьмах – Бригитках и Замарстынове – менее чем за сутки были расстреляны или добиты дубинками четыре тысячи поляков), несомненно, было принято наверху. Готовы ли вы помочь в раскрытии этого преступления? В подготовке такого подробного издания, как совсем недавно вышедший в Москве сборник документов и материалов "Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг.", подготовленный российскими и

польскими историками при помощи польского Генерального управления государственных архивов (М., "Летний сад", 2004)?

8

Из многих публикаций, выходящих в России в последние 10–15 лет, можно вывести, будто Катынь была (если она вообще была...), можно сказать, заслуженным ответом на более раннее польское преступление – 1920 года. Да, Катынь была ответом – но ответом на то, что в августе 1920 г. поход "непобедимой Красной армии" на Варшаву и Львов был остановлен. Особенно остро должен был чувствовать свое унижение комиссар Юго-Западного фронта, которому не удалось тогда взять Львов. Этот комиссар, И.В.Сталин, еще в 1918 г. обещал ликвидировать польское "средостение", стоявшее на пути к Берлину и западу Европы. Между тем эта слабая или – вспомним слова Ворошилова, сказанные в сентябре 1920-го, – "проклятая, темная" Польша победила могучую силу советской государственной и военной машины. Это унижение Сталин смыл кровью. Но помните ли вы, что начал он смывать его кровью не в Катыни, а намного раньше – расправляясь с польским меньшинством в СССР в 1930-е? Не следует ли российским историкам заняться, например, последствиями директив политбюро ЦК ВКП(б) от 5 ноября 1934, 9 августа 1937, 31 января 1938 гг., которые практически привели к физической ликвидации большинства поляков в СССР? Поляки в этих чистках не были просто одной из жертв – они были жертвой "привилегированной". Как подсчитал гарвардский историк Терри Мартин (в своем исследовании "Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union. 1923–1939", Ithaca–London, 2001), в Ленинграде, где в 1937–1938 гг. было наибольшее сосредоточение поляков, представителей этого меньшинства расстреливали в 31 раз чаще, чем составляет среднее статистическое по расстрелам периода "большой чистки" в этом городе. Мы по-прежнему очень мало знаем об этой первой в СССР попытке истребить одну нацию. Может быть, вы и этим хотели бы заняться?

9

Этот трагический перечень можно продолжать и продолжать. Но стоит ли? Может быть, вместо этого есть смысл под конец задать один основополагающий вопрос, без ответа на который диалог невозможен. Он звучит так: отождествляете ли вы себя с государственной системой, которая отвечает не только за Катынь, но прежде всего за миллионы преступлений против русских и других народов, оказавшихся в ее власти? Хотите ли вы праздновать приближающийся юбилей конца II Мировой

войны как праздник героев-солдат, столько миллионов которых полегло на главном фронте этой войны, на пути от Москвы до Берлина, или же как праздник сталинской державы? Если вы выбираете второе решение, то вспомните хотя бы то, чего не забываем мы: на генералиссимусе лежит вина за смерть большего числа русских, чем на Гитлере. Если вы защищаете "честь" советской системы и государства, а не личный героизм этих солдат, которые пали в справедливой войне с Гитлером, то захотите ли вы вспомнить, что советское государство вместе с Гитлером начало II Мировую войну - пактом Риббентропа-Молотова, нападением на Польшу 17 сентября 1939 г., соглашениями Гестапо и НКВД по борьбе с польским подпольем, защищавшим независимость Польши. Захотите ли вы вспомнить и ту печальную истину, что красноармейцы по приказу Сталина были вынуждены служить дурному делу - захвату Польши, Литвы, Латвии, Эстонии, Бессарабии в 1939-1940 гг., а затем, с 1944 г., вновь, но на этот раз уже всей Центральной и Восточной Европы?

10

Советская система создала великую империю - ценой еще более великих преступлений. Отдаете ли вы себе отчет в том, что если вы ищете их оправдания, их "аналогов" в действиях народов - жертв этой системы, то наносите оскорбление и тому народу, который понес наибольшие жертвы, - русскому народу?